

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

МОЛЧАНИЕ
ПИРАМИД

Сергей Алексеев
Молчание пирамид

«Алексеев Сергей»

2006

Алексеев С. Т.

Молчание пирамид / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2006

Об этом мечтают все сильные мира сего: во-первых, жить вечно, во-вторых, видеть будущее, угадывать события хотя бы на месяц вперед. А если в руки какого-нибудь политика попадет прогноз ни много ни мало на двенадцать лет? И в том прогнозе всё будет – катастрофы, военные операции, экономические кризисы. И еще, в качестве приложения, рецепт эликсира молодости и просветления вместе с необходимым ингредиентом – редчайшим жемчугом общей стоимостью пятнадцать миллионов долларов... Сотруднику закрытой правительственной организации под кодовым названием «Бурводстрой», имеющей дело с паранормальными явлениями, Сергею Самохину, поручено собрать сведения о человеке по имени Ящер, который владеет всей этой информацией. И в ходе расследования непременно выяснится, нужны ли пророки своему отечеству...

© Алексеев С. Т., 2006

© Алексеев Сергей, 2006

Содержание

1	5
2	12
3	25
4	38
5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Алексеев

Молчание пирамид

1

Жемчужина была невероятно крупной, с перепелиное яйцо, редкостного сиреневого цвета и совершенно круглой, скатной формы, хотя не обрабатывалась и выглядела свежей, словно только что добыта из раковины.

Более всего приковывал внимание и поражал воображение поверхностный слой перламутра, который светился сам по себе, словно внутри горел газовый рожок.

Оправу такой жемчужине подобрать было трудно – легче продать знающему толк коллекционеру...

– Сколько просите? – мимоходом поинтересовался Власов, не отрывая глаз от лупы.

– Нисколько, – ответил клиент. – Перл не продается.

– А вы знаете, что это за перл?

– Разумеется.

– Что же тогда хотите? Чтоб я произвел оценку?

– И цену я знаю... Мне нужно распилить камешек, но так, чтобы не повредить зерно.

– Какое зерно?

– Родовую песчинку. Или то, что окажется внутри. Ну, вы же представляете, как образуется жемчуг?

– Кое-что слышал...

Бизнес хоть и клеился, но ни шатко ни валко, по-настоящему развернуться было нельзя, и Власов сидел, словно одинокий волк в окладе: кругом флажки, запреты, контроль и стрелки по линии. От всего этого к концу дня он ощущал эмоциональную усталость и потому старался не вглядываться в клиентов, не замечать их, поскольку они чаще всего вызывали раздражение. Особенно богатые дамы, уже не знающие, что им нужно, и не обладающие фантазией.

Подняв голову, он обнаружил перед собой тощего старика с узким, костлявым и плохо выбритым лицом.

– Можете вразумительно объяснить, зачем это вам? – спросил он, отложив жемчужину.

– Нужно, – коротко и тупо обронил старик.

– Обратитесь к ювелирам. – Власов пододвинул бумажку с перлом клиенту. – У нас здесь камнерезная мастерская. А ювелирных в городе полно.

– Я не хотел бы к ним обращаться...

– Почему?

– Слишком жадные, завистливые и пилить откажутся. А еще опасаясь простого обмана или мошенничества.

– А меня не опасаетесь?

– Вы – не член ассоциации ювелиров. Это во-первых. Во-вторых, вы охотник, значит, смелый человек. А смелые не бывают жадными.

– Спасибо за доверие... Но мы пилим поделочный камень и редко полудрагоценный. Наш профиль – письменные приборы из родонита, шкатулки из чароита... Грубая работа.

– Однажды вы точили кабошоны из хризопраза. Триста штук... Со всей ювелирной технологией.

О пристрастии к охоте он, конечно, мог и знать: в поисках волчьих следов Власов изъездил на снегоходе весь район вдоль и поперек, часто ночевал в глухих деревеньках у незнако-

мых людей и, в общем-то, не скрывал своего увлечения. Но что касается хризопраза!.. Это был левый заказ, о котором случайный, совершенно незнакомый старик знать никак не должен.

Власов насторожился: с местной милицией и налоговой у него были добрые отношения, и если бы кто-то вздумал устроить проверку, обязательно бы предупредили...

В общем-то, на провокатора он похож: старается говорить правильно, хотя это для него непривычно, изображает интеллигентного человека, а произношение какое-то деревенское, особенно иностранных слов...

– Если резать на наших станках, – терпеливо объяснил Власов, – половина жемчужины уйдет в пыль.

– В пыль?

– Ну конечно!

– А говорят, у вас хорошая импортная техника...

– И у нее свои возможности. – Власов про себя решил избавиться от этого, таящего пока неясную опасность, клиента. – Булыжник пилить годится...

– Добро, подождите минуту-две.

Старик довольно расторопно исчез. Можно было воспользоваться моментом и уйти, закрыв камнерезку на замок, поскольку мастера уже разошлись по домам. Но на столе осталась жемчужина. Власов выждал две минуты, взял ее и вышел на улицу с желанием отказать клиенту. Напротив двери он обнаружил старую, теперь редкую «Волгу» с козлом на капоте, однако же сияющую никелем и свежей краской. Клиент стоял у раскрытой задней дверцы и разговаривал с барственно раскинувшимся на сиденье человеком лет шестидесяти в зеленой военной фуражке. До Власова донесся обрывок какого-то спора, мало что значащего, однако застрявшего в ушах из-за редкостного голоса – густого, текучего баритона:

– ...не надо его волновать. Иди и скажи: пусть пилят.

– Но это воля твоя, Ящер, – воспротивился клиент. – А если он не согласится?

– Да он уже забыл о жемчуге.

– Нет, так нельзя. Мне самому жалко...

– Мы отвечаем за все! – прогудел барин в фуражке. – Нам следует научиться брать ответственность на себя и оставить стариков в покое. Считаю, ничего страшного не случится, если мы пустим эти слезы в пыль. Мне нужны родовые зерна. Остальное хоть на помойку. Когда вы перестанете цепляться за прошлое?

– Погоди-ка, Ящер. Нас не поймут. Могут неправильно истолковать. Мы вызовем подозрение...

– Это моя забота, иди!

– Как хочешь... – Старик бережно закрыл дверцу и застучал тростью по тротуару.

Подслушивая эту странную перепалку, Власов не успел отскочить от двери и поэтому чуть не столкнулся с клиентом.

– А, вы здесь? – отшатнулся тот.

– Я уже собрался уходить! Вот ваша жемчужина.

– Нет, постойте! – взмолился старик. – Очень прошу вас! Ну, где нам еще найти честного ювелира? Я получил согласие, и теперь можно работать. То есть пилить.

Власов с сожалением направился обратно в офис – клиент стучал тростью сзади, как наваждение.

– Я работаю не бесплатно. – Власов еще раз попытался отпугнуть клиента. – И за работу возьму дорого, тем более сверхурочную.

– Берите. И пускайте в пыль. Главное, чтобы целым осталось родовое зерно.

– Слушайте, как вы можете?.. Портить такой экземпляр?

– Могу.

Вначале старик показался невзрачно-серым, безликим, возможно оттого, что к вечеру весь мир казался черно-белым и смазанным, а тут Власов увидел высокого, породистого человека, по виду учителя на пенсии. Правда, выглядел он так, будто недавно встал больной с постели: воспаленные, поблескивающие глаза, провалившиеся щеки, растрепанные седые волосы. И при этом без явных следов душевной болезни – чистенький, какой-то светящийся и пахнущий незнакомым и приятным дезодорантом.

Нет, это не провокатор, хотя не исключено, что выдает себя не за того, кто есть на самом деле.

– Ну, хорошо. Как говорится, воля клиента – закон, – нехотя согласился Власов и вошел в офис. – Оформим заказ... Завтра к шестнадцати устроит?

– Не устроит. – Старик оперся на трость двумя руками и ссутулился. – Распилите перл сейчас же, в моем присутствии. И чтобы никто посторонний не видел.

Рабочий день кончился, и в течение десяти минут камнерезку следовало сдать на охрану, поэтому Власов попытался уклониться от столь решительной просьбы:

– Никого из мастеров уже нет. Посмотрите на часы!

– Сделайте это сами, – мгновенно сориентировался старик.

– Предлагаете самому встать к станку?

– Вы же специалист по огранке драгоценных камней. Точили же вы кабошоны для казахов?

Он и про казахов знал, что привозили хризопраз...

– Кто вам сказал?

– Сказали... Тем более здесь не так много работы.

– Но это будет стоить денег...

Старик достал старомодный бумажник-гаманок.

– Пожалуйста. Сколько? Основное условие – конфиденциальность.

Власов привык к богатым клиентам, но на сей раз внешний вид, жемчужина и кошелек никак не сочетались. И вдруг поймал себя на мысли, что оттягивает срок лишь по одной причине – не хотелось в тот же час разрушать красоту и целостность жемчужины со столь уникальным ориентом; хотя бы сфотографировать ее, чтобы потом показывать, что держал в руках...

– То есть вам нужно сделать аншлиф? – уточнил он.

– Не знаю, как это называется. Мне необходимо обнажить родовую песчинку, первоначальное зерно, – хладнокровно объяснил старик. – Чтобы я мог видеть ее.

Уворачиваться от столь необычного клиента и тем паче отпугивать больше не имело смысла, поэтому Власов надел фартук и повел старика из офиса в цех, расположенный на дне бывшего бассейна. Там он зажал жемчужину паучьими лапами держателя и включил станок, исподволь наблюдая за стариком.

Тот вынул из визитного карманчика сильную лупу и встал сбоку.

– Варварство, – сказал Власов сам себе.

– Это да, – отозвался клиент. – Мне тоже очень жаль, если откровенно...

– А если там не песчинка, а какой-нибудь мусор?

– Почему мусор?

– Мало ли что попало ему под мантию...

– Кому?

– Моллюску!

– Вот вы о чем... Нет, там непременно будет песчинка.

На то чтобы содрать алмазным кругом половину перла, ушло полторы минуты. Еще минуту Власов потратил на шлифовку срезанной поверхности, после чего взглянул на дело рук своих и, не вынимая камня из держателя, показал старику. Тот поднес лупу, прицелился, прищурился левый глаз:

– Добро... Как вы думаете, из какого минерала родовое зерно?
– Скорее всего, обыкновенный кварц. Но возможно, нечто металлосодержащее. Например, магнетит. Ценность перла была не в этом...

– А если точнее?

– Установить точнее можно под микроскопом. Если нужно, я могу... За отдельную плату.

– Не нужно, – поторопился клиент. – Это не имеет большого значения. Теперь следует извлечь это зернышко.

– Извлечь? – изумился Власов. – Почему вы сразу не сказали?

– А что бы изменилось?

– Я не стал бы срезать половину!.. Высверлил бы ваше зерно... Например, трубчатым сверлом. И сохранил жемчужину! Пусть с отверстием, но все же!..

– Это необязательно. Для лекарства требуется только зерно, ядрышко. – Он вздохнул. – Все остальное шелуха...

– Вы делаете из него лекарство?

– Не я... Люди делают.

– Ну и от какой же болезни?

Показалось, клиент надменно усмехнулся.

– От болезни пьют слабительное. А из этих зерен готовят зелье молодости и просветления.

– От слепоты, что ли? – невпопад спросил Власов, занятый мыслями о жемчужине.

– От слепоты, – подтвердил старик. – Доставайте!

– Каким образом? Выковыривать?

– Не знаю, мне все равно. Вы же мастер. Только ни в коем случае не трогайте руками!

– Но это очень тонкая... ювелирная работа!

– Я заплачу. Назовите сумму.

С тоской и ощущением неприязни к старику Власов взглянул на аншлиф, покрытый тончайшими сферическими сиреневыми кольцами, и назвал цену – непомерную:

– Двести долларов!

– Согласен. – Клиент и глазом не моргнул.

Власов же вспомнил подслушанный разговор старика с барином из «Волги».

– Это не все!.. Если удастся достать песчинку, возьму себе оставшуюся часть перла.

– К сожалению, это невозможно, – строго проговорил старик. – При всем уважении...

– Вы же сказали, это не имеет никакой ценности?

– Да, не имеет...

– Так в чем дело? Хозяин не разрешает?

– Зачем вам половина жемчужины?

– Например, в качестве сувенира... Или можно вставить в оправу.

– Я должен посоветоваться.

– Да что тут советовать?

– Понимаете, нельзя... чтобы кто-то видел, – вдруг забормотал клиент. – У вас могут увидеть остатки...

– Лично для себя возьму! – клятвенно заверил Власов. – В сейф запиру!

– Хорошо, – не сразу согласился старик. – Возьмите... Но при одном условии: наши отношения останутся в тайне. Откуда у вас эта половинка, придумайте сами. Не указывайте на меня и не называйте моего имени.

– Мне ваше имя неизвестно.

– Тем лучше. Дайте слово благородного человека.

Власов усмехнулся про себя некой старомодной напыщенности старика, явно не сочетающейся с плохо скрываемым сельским выговором.

– Даю слово.

Песчинка была довольно крупной, около миллиметра, и, будучи другого цвета, хорошо выделялась на светло-сиреневом радужном перламутре. Сначала Власов попробовал окантовать ее резцом, однако твердосплавная острейшая напайка скользила по отшлифованной поверхности, оставляя едва заметные следы. Несколько минут он безрезультатно царапал оказавшийся слишком твердым минерал, потом зажал в патрон пустотелое сверло и под сильной лупой осверлил песчинку. Оставшийся на гранях перламутр он снял алмазными надфилями, после чего сделал подрез снизу и сколол ее победитовой иглой.

– Это ваше. – Взяв пинцетом песчинку, он показал ее старику.

Тот, даже не взглянув на результат кропотливого труда, подставил стеклянную ампулу из-под интерферона, заткнул ватой и спрятал в карман.

– Благодарю, – удовлетворенно сказал старик и улыбнулся застенчивой, мальчишеской улыбкой. – Знаете, я пытался сам расколоть и извлечь – не получилось... А вы настоящий мастер!

– Как – расколоть? – непроизвольно спросил Власов.

– Молотком... Родовая песчинка раскрошилась в прах, вместе с перлом. Наверное, была из слабого перламутра.

– У вас была еще одна такая жемчужина?

– Была... – Старик положил деньги на станок. – И оказалась очень хрупкой...

– Под молотком все хрупкое... – проворчал камнерез, доставая из держателя оставшуюся половинку. – Это я беру себе.

– Как условились. – Старик натянул на голову синий берет и раскланялся. – Взамен на конфи... В общем, взамен на молчание. Еще раз благодарю.

Глядя в его сутулую спину, Власов как-то запоздало подумал, что клиент, по всей вероятности, страдает какой-нибудь скрытой формой шизофрении: к подобному навязчивому увлечению может подтолкнуть человека лишь больное воображение...

Вечером того же дня ему позвонил ювелир по прозвищу Буре, который, кроме мастерской, держал антикварный магазин, скупал в основном старинные часы и драгоценности и, кроме всего, возглавлял ассоциацию ювелиров, куда Власов и еще две частные мастерские не входили. Эта хитрая клановая организация была создана, чтобы пожирать своих конкурентов, что она и делала вполне успешно: заказчиков становилось все меньше, а цены ниже, и от разорения спасало то, что камнерезная мастерская была единственной в городе.

– Дорогой коллега, никак не мог дозвониться до вас, – заговорил он ласково, что сразу же насторожило Власова. – А дело у меня важное. К вам может прийти клиент с жемчужиной... Очень крупной... И совершенно безумной просьбой...

Власов лишь покачал головой – ничего себе, конфиденциальность! Едва успел распилить жемчужину, а Буре уже знает!

Впрочем, что тут удивительного? Самый дорогой товар – информация, особенно в области антиквариата, а председатель ассоциации должен знать все...

– С какой просьбой? – коротко спросил Власов.

– Распилить.

– Пусть приходит, распилю.

– Да вы с ума сошли! Это же редкостный экземпляр! Таких денег стоит! Я вас прошу, не пилите. Задержите под любым предлогом и дайте знать.

Ассоциация варилась в собственном жирном соку, Буре лишь выжидал время, когда «дикие» мастерские разорятся, и никогда не обращался с просьбами.

– А что вы собираетесь делать с этой жемчужиной?

– Куплю ее. Вас же перлы не интересуют, коллега?

– Нет, я к ним равнодушен. – Власов ухмыльнулся. – Поэтому, если хорошо заплатят, распилю что угодно.

– Не пугайте меня, коллега!

– Желание клиента, принципы...

– Это не клиент! Это счастье! – застонал Буре.

– А почему он должен прийти ко мне?

– Потому, что вас не интересует жемчуг. Вы любите охоту на волков.

Власов на самом деле занимался волчьей охотой, особенно перед весной, с началом гона, когда звери разбивались парами, и потому коллекционировал ружья, карабины и снегоходы. За последние годы у него скопилось около двух десятков шкур, и однажды в трудное время он попросил Буре выставить их на продажу в своем антикварном магазине. Ювелир тогда не подозревал, чем занимается Власов в свободное от камнерезных дел время, и, увидев шкуры матерых волков, в первый момент чего-то устранился, а потом зауважал и стал называть коллегой, чего раньше не было.

– Неужели вы сами их убили? – с изумлением и страхом то и дело спрашивал он.

Шкуры он взял и заплатил неплохо, но в магазине не выставил – кому-то перепродал.

– Очень прошу вас, задержите этого клиента! – взмолился Буре. – Вы же смелый и отважный человек!

– Как же я задержу его? Ноги связать, что ли?

– Обещайте что-нибудь! Ну, сошлитесь на неисправность станка. Скажите, сейчас отремонтируют... Потяните время! И еще на всякий случай оформите заказ. Чтобы узнать его имя, адрес... Желательно заглянуть в паспорт или другой документ. Это если он вдруг что-то заподозрит и уйдет раньше.

Просьба была очень серьезная для их отношений, и прозвучи она несколькими часами раньше, до того, как жемчужина попала на алмазный круг, можно было выторговать у Буре прием в ассоциацию, то есть определить свое будущее: чувствовалось, председатель ради этого перла пошел бы на все. Но дело уже было сделано, и все-таки Власов рискнул без всякой надежды – более всего, чтобы поморочить мозги конкурентам.

– Что же обещаете вы? – с сарказмом спросил он.

– Договоримся, коллега.

– Хотелось бы услышать что-нибудь конкретное.

– Вы берете меня, как волка! Если бы я решал один!.. Вы же понимаете, все нужно согласовать с надзирателями. Да, коллега, такова жизнь. Мне легче заплатить вам за услугу.

– Деньги мне не нужны.

– Получится с перлом – будем решать вопрос, – сдался Буре. – Так что молитесь, коллега, чтобы этот человек пришел к вам.

Власов пожалел об упущенной возможности, потом плюнул на Буре, его ассоциацию и сел на кухне составлять отчет для налоговой, разумеется, липовый, поскольку покажи он действительное положение дел, через месяц предприятия не станет. Ненавистная эта работа отвлекала, будто горчичник, он почти забыл о жемчужине и уснул спокойно. Однако просыпался дважды и всякий раз, вспоминая о старике, с каким-то навязчивым недоумением пытался понять, зачем ему потребовалось доставать эту песчинку.

Не для лекарства же от слепоты, в самом деле...

Наутро он неожиданно увидел старика возле запертой двери камнерезки. Кажется, клиент поджидал его давно, поскольку отстраненно и самоуглубленно бродил взад-вперед вдоль мрачной бетонной стены бывшего городского бассейна, где располагалась мастерская, иногда останавливался, наклонял ветку сирени и блаженно нюхал цветы. На его сутулых плечах

дыбился объемистый и тяжелый рюкзак, в руке была в общем-то ненужная ему трость, а на ногах почему-то резиновые сапоги с высокими голенищами.

Похоже, пришел пешком: по крайней мере, вчерашней «Волги» с козлом поблизости не было.

– Я к вам, – сообщил он, заметив Власова.

– Что-нибудь не так?

– Нет, все в порядке. Пришел пораньше, чтобы поговорить с глазу на глаз.

Клиент проследовал за Власовым в офис, снял на ходу свою ношу, развязал веревку, стягивающую горловину рюкзака, и поставил его на стол.

– Вот, – сказал он бесцветно, – теперь прими настоящий заказ. Давай оговорим сроки. А условия прежние и единственные – строгая конфиден... В общем, надо молчать как рыба. Взамен на остатки перлов.

Рюкзак был до отказа набит крупным голубым, черным и даже невиданным розовым драгоценным жемчугом, словно это был простой речной галечник...

2

Текущий доклад по своей теме Самохин приготовился сделать еще два дня назад, но никак не мог попасть на прием к руководителю «Бурводстроя». Обычно Диана Васильевна сама напоминала о сроках и требовала строгого исполнения; сейчас же сначала перенесла доклад на следующее утро, затем не приняла без объяснения причин, и Самохин два часа просидел в приемной, пока исполнявший обязанности секретаря Баринов не посоветовал ему вернуться на рабочее место.

Судя по всему, в «проектном бюро», как всегда неслышно и почти незаметно, происходил очередной ажиотаж по поводу какого-нибудь очередного открытия, которое в очередной раз на самом деле окажется чьим-то мошенничеством, только весьма искусным. Спрашивать, что происходит, было не принято, да и не у кого: каждый работал автономно в режиме строгой секретности, запрещалось даже входить в чужие комнаты без особой на то причины. Поэтому коллектива, как такового, не существовало, сотрудники не знали друг друга, практически не общались, встречались только в коридоре, да и то редко, поскольку большей частью пребывали в постоянных и длительных командировках. К тому же в «Бурводстрое» существовала нескончаемая и незримая ротация: вдруг ни с того ни с сего появлялся новый человек, а кто-нибудь уже примелькавшийся бесследно исчезал, к примеру, на год и более.

Правда, изредка случалось невольное сближение двух работников, если объединялись темы, однако чаще всего одного потом куда-то переводили, а оставшийся долго не показывался на глаза. Вхожими в любую комнату и подчеркнута коммуникабельными были только помощник Дианы Васильевны генерал Хлопец и режимник Баринов – ее правая рука, а скорее, глаза, следящие за соблюдением секретности. С его подачи руководителя группы стали называть Леди Ди, прозвищем естественным, почтенным и, как подозревал Самохин, придуманным не без участия самой Дианы Васильевны. И еще Баринов был знаменит вечным серым пиджаком в черную искру, который носил круглый год и, похоже, не одно десятилетие, старомодными нарукавниками и навязшим у всех на зубах изречением, которое расценивалось как девиз «проектного бюро»: «Кто обладает информацией о будущем, тот обладает абсолютной властью».

Работая в столь серьезном учреждении, этот человек в грош не ставил результаты его труда и считал, что только он, допущенный чуть ли не ко всем гостайнам, знает, что произойдет через десять или двадцать лет.

О том, откуда и кто приходит в группу, чем потом занимается и куда исчезает, можно было лишь догадываться или судить по отдельным косвенным замечаниям Хлопца, видимо, человека веселого, разговорчивого и теперь явно скучающего на новом месте службы. Выведенный за штат генерал занимался неким общим руководством и выполнял отдельные поручения Леди Ди, а попросту каждый день, словно доктор, делал обход всех девяти палат сотрудников, разговаривал о погоде, о боксерских поединках профессионалов, футболе, рыбалке, магнитных бурях и птицах.

Опытному контрразведчику этого было достаточно, чтобы определить общее морально-психологическое состояние группы и, в случае необходимости, незаметно повлиять на него. А еще он отвечал за хозяйственную часть, которая сводилась в основном к контролю за единственной уборщицей и техническим состоянием здания, а точнее, борьбе с вездесущими голубями, галками и воронами, неведомым образом попадающими на внутренний чердак режимного объекта.

Дело в том, что три года назад, сразу же после создания, рабочую группу временно разместили в особняке ликвидированного проектного бюро «Бурводстроя» – пустом, гулком и мрачноватом, некогда перестроенном из католического храма, пообещав, что скоро переведут

в место, более достойное для структуры Администрации Президента. Вывеска была хорошим прикрытием и так понравилась руководству, что группа получила соответствующее кодовое название. Вроде бы целый год потом искали подходящее здание, пока не решили, что и здесь хорошо, сделали косметический ремонт, сложную систему охраны, сигнализации и оставили навсегда.

Но как бы ни переделывали, ни приспособливали этот костел, все равно начальник «Бурводстрой» Леди Ди сидела в алтаре, ее помощник и режимник – на клиросах, а сотрудники – в общем зале, разгороженном деревянными переборками с мощнейшей звукоизоляцией. Обжить всю высоту готического храма было невозможно, поэтому сделали дощатые перекрытия, подвесные потолки, а все остальное подкупольное пространство осталось пустым, пыльным и гулким. Сюда никто не заглядывал, если не считать стеклянных глаз охранных видеокамер, датчиков сигнализации и птиц: неведомо как, но на чердак особенно часто попадали галки и голуби, отчего над головами начиналась усиленная эхом птичья свистопляска, от которой не спасала даже двойная шумоизоляция.

В общем-то, никого особенно не волновали воркованье голубей и посвист крыльев – иногда даже было приятно услышать живые звуки в мертвой тишине костела, когда целый день приходится тихо сидеть над бумагами или у компьютерного монитора. Птицы отвлекали от глобальных проблем, умопомрачительных теорий и невеселых аналитических выводов, возвращая к обыкновенной человеческой жизни, и как-то сразу хотелось на свет, на воздух, под ветер или дождь: в комнатах сотрудников не было даже окон...

Однако это сосуществование с птицами, а точнее пыль, возникающая от пересохшего птичьего помета, как и бывает с принцессами, вызывала у Дианы Васильевны сильнейший приступ аллергии, а попросту, насморк и чих. Красноносая, со слезами на глазах и несчастная, она убегала с работы домой и руководила по телефону. Поэтому каждое утро «служба» в храме начиналась с того, что охрана забиралась на чердак и отлавливала, а когда никого не было, то под руководством и при личном участии Хлопца отстреливала птиц, после чего уборщица собирала трупы, мела и пылесосила весь чердак.

После долгой и бесполезной борьбы наконец-то приехали кремлевские верхолазы, допущенные обслуживать секретные объекты, поднялись на крышу и тщательно заделали все дыры, щели и забрали мелкой сеткой вентиляционные отверстия.

С неделю было тихо, Леди Ди успокоилась, но прошлым летом, накануне бури и объявленного по Москве штормового предупреждения, на чердак набилось столько птиц, что охранник с помповым ружьем даже стрелять не стал, отговорился, что, мол, никаких патронов не хватит. Но сам отчего-то был напуганным и подавленно задумчивым.

Вся эта летающая тварь благополучно отсиделась в укрытии, пока над городом бушевал ураган, после чего таким же неведомым образом покинула чердак, оставив после себя горы неистребимого аллергена. Верхолазы вновь обследовали костел от фундамента до готических шпилей, пошатали и замазали раствором подозрительные кирпичи, заменили ненадежную черепицу и не обнаружили ни одного отверстия, сквозь которые проникали либо могли проникнуть даже колибри. Помет убрали, перекрытия обработали каким-то раствором и установили приборы, что на аэродромах отпугивают птиц. Но все равно у Принцессы началась почти нескончаемая аллергия, и теперь Самохин подозревал, что Леди Ди не принимает его из-за очередного приступа и своего непрезентабельного вида.

Не могла она показаться на глаза подданным с красным носом и слезливыми глазами.

Ее фаворит и помощник Хлопец о состоянии здоровья своей госпожи помалкивал, тем более что с некоторых пор их отношения с Самохиным были натянуто-официальными и холодноватыми. У генерала была, пожалуй, самая тяжкая житейская проблема – выдать замуж младшую дочь Алину, которая по большой и страстной любви уже выходила за сына некоего арабского шейха, впоследствии оказавшегося многоженцем и просто богатым мошенником,

который с помощью влиятельного генерала проделывал свои дела в Москве. Теперь Хлопец сам искал ей мужа, и в один прекрасный день его выбор пал на Самохина, два года назад ставшего холостяком.

Сергей Николаевич об этом не подозревал, поскольку практически ничего не знал о семейных страстях генерала, напроочь скрытых от постороннего взора, а пристальный интерес к собственной персоне, в том числе и к деталям личной жизни, относил к его служебным обязанностям. Да и сравнивать отношение к себе фаворита было не с чем, возможно, он со всеми разговаривал так и у всех засиживался, отвлекая от работы, поскольку самому делать было нечего.

Как-то раз поздней осенью генерал неожиданно пригласил Самохина к себе на дачу порыбачить с острогой. Удочек, спиннингов и прочих ловушек Самохин не любил, впрочем, как и сам процесс ловли, а тут надо было плыть на лодке ночью вдоль отмелей, с факелом или мощным прожектором, на свет которых перед ледоставом выплывала крупная рыба. Эта рыбалка ему понравилась, и добыча была богатая – девять щук и три десятка налимов вспоминали потом до Нового года, собирались съездить еще раз, теперь на весеннюю, за сомами и попутно пострелять уток и вальдшнепов.

Весной, накануне выезда, Леди Ди ни с того ни с сего, будто бы в качестве лирического отступления, рассказала о драматической судьбе несчастной дочери фаворита, красавицы Алины.

Принцессе нравилось устраивать жизнь своих подданных...

Самохина всю сознательную жизнь учили сопоставлять факты и делать неожиданные выводы, но даже сопоставив их и допустив, что в возрасте тридцати семи лет можно жениться и по расчету, коль нет любви, он не мог представить себя в роли генеральского зятя и мужа бывшей шейхини. И не потому, что у них был совершенно разный образ жизни, другие нравы, привычки и почти неприемлемые *условия существования* в виде охраны и строго регламентированного поведения; причина состояла в заведомо предвзятом, брезгливом и даже расистском отношении к «невесте», ибо он никогда бы не смог вызвать в себе хоть каких-нибудь приятных чувств, а тем более жить с женщиной, бывшей в гареме у араба. В страстную любовь Алины к коварному мавру Самохин не верил лишь по той причине, что у таких несчастных девочек она возникает почему-то всегда к сынкам шейхов, эмиров, но не к простым бедуинам.

А Хлопец решил, что Сергея Николаевича можно уже знакомить с дочерью, и когда они приехали на рыбалку, туда неожиданно явилась Алина, вдруг захотевшая навестить родителей и заодно посидеть с удочкой на берегу. С самого начала стало ясно, что не сомов позвали ловить, а эту золотую рыбку, у которой после всех судебных передеряг остались пентхаус и пакет акций туристической фирмы. Самохин надеялся на профессионализм генерала и не предполагал, что все будет происходить стремительно и откровенно. А портить отношения с ним и Принцессой (они были явно в сговоре) и терять работу так не хотелось, что в какой-то момент поколебались и чувства, и расистские убеждения, касавшиеся их. Тем более что генеральская дочка была хорошенькой, ухоженной, да и сынок шейха не оставил на ней никаких особенных следов, вызывающих омерзение.

По генеральскому плану Сергей Николаевич должен был отчалить вдвоем с Алиной на необитаемый остров, где вечером на куски тухлого мяса хорошо брали сомы, однако претерпевшая неудачный брак дочери несостоявшаяся теща перестраховалась и, на счастье, все испортила. Отозвав кандидата в сторонку, сказала открытым текстом, что его берут в семью из грязи в князи и что будет, если Сергей Николаевич не оправдает надежд.

После развода Самохин жил на съемной квартире, ездил на служебной машине и отлично понимал, что в «Бурводстрой» попал не как ценнейший специалист, а как рабочая лошадка, которую можно и заменить даже на переправе. Он не стал более искушать судьбу, вежливо

попрощался с Алиной, с Хлопцем и даже его женой, сослался на неотложные дела в городе и уехал.

В понедельник Сергей Николаевич пришел на работу и начал собирать свои вещички, поджидая, когда Баринов объявит об увольнении, однако до обеда к нему в комнату никто не пришел. Зато в четвертом часу позвонил секретарь и сообщил, что его приглашает Леди Ди с материалами по теме, дабы выслушать текущий доклад – это значило, что изгонять его из храма будет сама Принцесса.

Но произошло невероятное: Диана Васильевна, в то время еще не замечавшая Самохина, как и других вновь прибывших в «Бурводстрой» сотрудников, будто наконец-то разглядела его, снизошла, похвалила за работу и вообще резко изменила к нему отношение – заговорила тогда незнакомым еще томно-чарующим голосом, впервые назвав просто Сережей.

А через несколько дней с обходом к нему заглянул и Хлопец, посмотрел мимо, порассуждал о жаре на улице, о глобальном потеплении климата, о теннисе и собаках, которым сейчас очень тяжело сидеть в квартирах.

Если бы Сергей Николаевич живо не реагировал на температурные изменения, то не почувствовал бы холода, сквозившего в генеральских словах о жаре.

С тех пор прошло более года, по слухам, Алина вышла замуж, на сей раз опять без воли отца, а по любви и страсти, за какого-то московского чеченца, но обида на Самохина у Хлопца так и не прошла, хотя внешне он выглядел прежним скупающе-мудрым заштатником.

– Кажется, я попал в немилость, товарищ генерал, – пожаловался Самохин, когда на третье утро не дождался приглашения Принцессы на текущий доклад. – Сижу и гадаю, за что лишен доступа к престолу?

– Не волнуйтесь, допустят, – многозначительно утешил генерал. – Если хотите, предскажу вам будущее, Сергей Николаевич. Как почетный ясновидящий.

– Хочу.

Хлопец был многословным – значит, дела в «Бурводстрое» клеились и Леди Ди хвалило вышестоящее начальство.

– Судя по положению звезд на небосклоне, – ухмыльнулся он, подняв глаза к потолку, – нас ожидает дальняя дорога. Полагаю, в северо-восточном от столицы направлении. Или в северо-западном?.. Точно не вижу...

– Нас?

– Да, нас. Скажу по секрету, Принцесса посылает в разведку. Я выезжаю первым, сегодня. А вы приготовьтесь как следует, запаситесь приличной одеждой, походное снаряжение можно не брать... В общем, собирайтесь будто не на работу, а в отпуск на Канары.

– Надолго?

– Скажу так, на неопределенный срок. До результата.

– Хотя бы примерно?

– Звезды молчат... Может, год, два...

– Но я не закончил работу по «Каналам», товарищ генерал, – обескураженно проговорил Самохин, улавливая в речи Хлопца тонкую, скрытую мстительность. – Только что получил заключение геофизиков, есть перспективы...

– Вот и доложите Принцессе. Звезды говорят, через три дня и три ночи в тринадцать часов сорок минут Принцесса примет вас и потребует все материалы по вашей «канализации».

– Только через три?.. У меня скоро отпуск, товарищ генерал!

– Зачем вам отпуск, если выпадает совершенно роскошная командировка? – язвительно проговорил Хлопец. – Девственная природа, рыбалка, а тишину нарушают только птицы.

– Не люблю рыбалку, – тупо ответил Самохин, улавливая некие скрытые намеки.

– А заграничные турне? – уже от порога и с издевкой спросил генерал, после чего хлопнул дверью.

Домой в тот день Самохин вернулся в растерзанных чувствах и только вошел в квартиру с желанием искупаться под душем, как зазвенел телефон.

– Сергей Николаевич? – спросил железный женский голос. – Через тридцать минут вам надлежит явиться в приемную Максима Гавриловича. Встреча строго секретная. Надеюсь, понимаете, как следует вести себя?

Допуск к телу адмирала Липового из всего «Бурводстроя» имела только Леди Ди, чем гордилась и что подчеркивала всякий раз, если ее приглашали в Совбез. И это якобы потому, что ходили слухи о симпатиях старика к Принцессе; по какому-нибудь делу он вызывал редко и обычно для того, чтобы сделать разнос, указать на ошибки или поругать с использованием ненормативной лексики. Адмирал был не голубой крови и белой кости, к коим себя причисляли русские морские офицеры, а кажется, способом почкования произошел напрямую от матроса Железняк и получил соответствующую выучку. Все остальные «дети Скрябинской», в том числе Хлопец, говорили об адмирале полупшепотом и имели право посмотреть на него лишь издалека, на каком-нибудь совещании или заседании, если еще пригласят.

Максим Гаврилович Липовой был одним из противников существования «проектного бюро», как и режимник Баринов, считая занятие заштатного полковника Скрябинской и ее «незаконнорожденных детей» делом бессмысленным и даже вредным: мало того что дюжина дармоедов висит на шее госбюджета, не принося никакой видимой пользы, но еще дезориентирует своими рекомендациями власть и вводит в заблуждение общество.

Правда, на самом деле исследования многих тем оплачивали коммерческие банки через Хлопца, в обязанности которого входил поиск инвесторов и благотворителей, иначе нечем бы стало платить за дорогие экспертизы, технику, командировки, да и за аренду особняка тоже. Однако по стечению обстоятельств и воле главы Администрации, воспитанный на марксистской философии материалист вынужден был курировать деятельность Леди Ди, по сути, являясь соучредителем «Бурводстроя» и отцом этих самых «незаконнорожденных детей».

Приглашение к нему было неожиданным и ничего хорошего не сулило, поэтому Самохин поехал, как на казнь, испытывая неприятный, даже омерзительный трепет. Ко всему прочему попал в пробку и опоздал на семь минут, так что в приемную входил, словно на плаху. Зрелая женщина-секретарша с милицейской дотошностью проверила документы, приказала сесть на стул, чем еще более усилила натуральный и презренный мандраж. Однако за четверть часа ожидания Самохин «переболел», заранее переволновался, как перед экзаменом, поэтому входил к адмиралу успокоенным и даже в приподнятом настроении.

Максим Гаврилович сидел за совершенно пустым столом, сцепив руки, мрачный и углубленный в себя. Слева от него, на приставной тумбе, громоздилось с десяток телефонов и некоторые из них позванивали наперебой и мелодично, чем-то напоминая весенний лес с птичьими голосами, – адмирал, однако, не обращал на них внимания.

– Садись поближе, – сказал он. – Ты сейчас чем занимаешься?

– Темой, которая проходит у нас под названием «Канализация», – лаконично доложил Самохин.

– Это про что?

– Есть один народный целитель, Наседкин из Коломны, лечит метеоритами...

– Опять шарлатанство! – перебил Липовой. – Не надоело хренотень в ступе толочь?

На такой вопрос можно было не отвечать, поэтому Самохин продолжил:

– Он составил карты земных энергетических каналов, от активности или неактивности которых происходят многие геологические и космические катаклизмы. Но главное, и социальные тоже...

Максим Гаврилович изломал черные брови:

– И что, есть подтверждения?

– Этот целитель сделал расчеты и всегда точно находит метеориты. Причем со звезд, которые ему нужны...

– Что ты мне про звезды? Я про социальные катаклизмы спрашиваю. Какой метеорит в очередной раз пролетит по правительственной физиономии?

– Это трудно сказать...

– Видишь, никто не знает. В потемках живем!

– Но по выводам целителя в 2019 году откроется Полярный канал и начнется взлет России.

– Ого! Хрен и доживешь... до светлых дней. Но ты мне скажи, а почему ученые молчат на эту тему?

– Наши ученые воспитаны на определенных школах, – мягко пояснил Самохин, дабы не трогать марксизма-ленинизма. – Надо изучить это явление. Есть перспективы...

– Не надо! Очередная х...

– Но американцы занимаются каналами, и весьма плотно, – возразил Сергей Николаевич, совсем не испытывая робости.

– Американцы?.. Да они и нейтронной бомбой занимались, чтоб сбить нас с панталыку. – Адмирал встал. – Из каких источников информация про американцев?

– Из закрытых, Максим Гаврилович.

– И давно интересуются?

– С восемьдесят четвертого. По крайней мере, в этом году в Госдеп поступил первый секретный материал по планетарной безопасности. Я читал его несколько месяцев назад. И когда увидел простыни целителя, вспомнил...

– Какие... простыни?

– Карты и схемы. Он рисовал их на ткани. Совпадение потрясающее!

– Выходит, почти двадцатилетнее отставание...

– Это как сказать. Большинство карт и схем Наседкина датированы семьдесят седьмым годом. Он начал раньше американцев.

– Если бы мы с тобой начали...

– Но зато продвинулся намного дальше и глубже. С ним надо работать.

– Да ладно тебе про чудесников!.. Надоели они. По всем статьям сидим в заднице. Везде одна канализация... Ты чувствуешь, куда страна катится?

И на этот вопрос можно было не отвечать.

Липовой сел напротив, глянул исподлобья:

– Все украли, поделили, а куда дальше – ни в зуб ногой. Демократы идеи ищут, мать их! Власть есть, а идей нет – во положение! Все рвутся порулить, хватают штурвал, крутят, а руля-то под кормой и нету! Как ты думаешь, куда вынесет наше безыдейное государство? Правильно, на ближайшие скалы...

Вообще-то адмирала с его убеждениями и вызывающей манерой поведения, казалось бы, на выстрел нельзя было подпускать к государственным структурам, однако после серии провалов, глупейших дилетантских ошибок и откровенного предательства в Совбезе о бывшем начальнике военной разведки Морфлота вспомнили, вытасили его с пенсии и уговорили поработать хотя бы год.

Он честно отслужил год, выполнил свою задачу, плевался, матерился, обзывался, намекаясь уйти, но его повысили в должности, сделав первым заместителем, после чего он уже сам не захотел покидать этот самый секретный кабинет.

– Ты мне вот что скажи, – как-то горько и печально проговорил Липовой. – Среди этой шарлатанской шушеры толковые встречаются? Ну, дельные, что ли? Кто в самом деле соображает, а не юродствует?

– Встречаются...

– Нет. Я серьезно спрашиваю. Не эти, что метеориты собирают, и не те, что бессовестно врут... всякие там ясновидящие... а нормальные, с аналитическими мозгами? Чтоб могли и впрямь прогнозировать будущее?

– Мы, собственно, этим и занимаемся... – начал было Самохин и нарвался на окрик:

– Чем вы занимаетесь?! Дурака валяете за государственный счет...

– Мы ищем таких людей...

– Ну и много нашли? Хрен да маленько... Ты слышал имя такое... или прозвище – Ящер?

– Не слышал...

– Вот, а говоришь... Вспомни, может, кто-то называл в разговоре?... Среди этих шаманов, знахарей... В общем, полудурков?

– Я не слышал такого имени, товарищ адмирал.

– Точно?

– У меня неплохая память...

– Это хорошо, – подобрел адмирал. – Значит, Ящер не из их компании. Но надо бы уточнить еще, провести скрытый опрос... Понимаешь, как важно, если он не из этих?

– Пока не понимаю.

– Сейчас поймешь. – Липовой отчего-то тяжело вздохнул. – Бумаги я получил, еще перед Новым годом. Прогнозы от Ящера... То ли фамилия, то ли кличка... И похоже, он не один, а целая группа... Внимания бы не обратил, вон сколько бумаг приходит... Да этот Ящер расписал все, что произойдет в стране в течение этого года. Вроде как для рекламы, чтобы вызвать интерес, и обещал выдать еще на двенадцать лет вперед, если самого сделают тайным советником президента, а его людей возьмут во властные структуры. Такого информационного шантажиста мы еще тут не видали!

– Скорее, он авантюрист, – предположил Самохин.

– Он пророк, – серьезно сказал Максим Гаврилович. – Хотя говорят, их не бывает. По крайней мере в своем отечестве...

– Бывают душевнобольные.

– В январе мне тоже казалось, бред какой-то, шизофрения, – подхватил адмирал. – Откуда он может знать, например, в какой день и час навернется американский шаттл? А он, гляди, навернулся, и с точностью до минуты, на глазах у всего мира! Какая-то у них там изоляция оторвалась... Представляешь, я об этом еще в январе знал! Мог бы, конечно, предупредить американцев, но кто бы мне поверил, как ты думаешь?

– Никто.

Ответ ему был не нужен.

– Сейчас июль, и за первое полугодие все его предсказания – попадание в десятку на сто процентов!.. Цены на нефть, например, на газ и металл. Поездки президента, краткое содержание конфиденциальных переговоров с немцами, французами... Какие и где самолеты упадут, корабли утонут... Даже потери наших в Чечне. Не те, что сообщают, а реальные, которые мы только знаем. Все совпало. И надо сказать, любопытные советы дает, чтоб избежать терактов в метро, на железных дорогах... Или что нужно, чтоб аварий не было на шахтах... А вот, например, что надо делать, чтоб исправить демографическую ситуацию?

– Наверное, побольше рожать, – для порядка сказал Самохин.

– Не угадал. И многоженства не надо, и бюро услуг по зачатию детей одинокими женщинами... Надо ужесточить закон о правилах содержания домашних животных, кошечек, собачек и прочей нечисти. А то и вовсе запретить их держать в квартирах!

– Где связь?

– Не видишь?... Но она есть. Любовь к детям перекладывается на всяких там попугайчиков. Ее, этой любви, в каждом человеке есть строго определенный запас. Растратил его на

животину, а на детей уже не хватает. Ну и зачем заводить? Потом всю жизнь волноваться, нести ответственность?..

– В этом что-то есть... А почему Ящер обещает прогноз на двенадцать лет? Не на десять, не на двадцать... Дюжина – магическая цифра?

– Он пишет, за двенадцать лет, зная будущее, можно исправить весь мир, привести его в первоначальный, божий вид. Гармонию установить вместо всяких режимов, демократии, коммунизма... И ведь на самом деле, можно, если знаешь наперед, что будет.

– И если эти знания в твоих руках и ни у кого больше нет...

– То-то и оно!.. Как ты думаешь, это чья-то суперразведка?

– Бывают и предсказатели, – скромно возразил Самохин.

– В том-то и дело, бывают... Но заикнись я на Совете про Ящера и предсказания... А хуже того, предложи приблизить его к президентскому кругу, а он ведь такое условие ставит!.. Скажут, из ума выжил, и выпрут. Старость – штука... неизбежная. В общем, сию, сверяю прогнозы Ящера с действительностью и молчу. А мог бы оракулом стать, если б прислушивались!

Адмирал мрачно рассмеялся и отчего-то покраснел.

– Можно ознакомиться с прогнозами? – осторожно спросил Самохин.

– Нельзя, – отрезал адмирал. – Из соображений безопасности. Твоей, личной. Начитаешься – и понесет тебя... Надо крепкую голову иметь, чтоб такие прогнозы читать. Может, потом и дам, когда они сбудутся... Тебе сказали уже про командировку?

– Намекнули...

– Кто? Скрябинская?

– Генерал Хлопец.

– Вот зараза! – Липовой подскочил. – Ну как тут работать?.. Ладно, поедешь разбираться с жемчугом. Из него какие-то песчинки ковыряют... По некоторым сведениям, для лекарства, что-то вроде эликсира молодости и просветления. – Адмирал усмехнулся. – То ли дурь очередная, то ли уж в самом деле... Я сделал ментам и чекистам заявку на имя Ящера. На любое упоминание, даже самое косвенное... И вот, пожалуйста, пару недель назад мне его выловили в Забавинске. Не самого, конечно, но информация проскочила интересная. Какой-то чудак припер рюкзак драгоценного жемчуга в камнерезку и заставил ковырять из него песок!.. Хрен знает, что делается в мире... Владелец мастерской Власов утверждает, что даже видел этого Ящера. – Адмирал достал папку из стола, полистал. – Пишет, вон, лет под шестьдесят, упитанный, носит армейскую фуражку защитного цвета. Точнее обрисовать не может, Ящер сидел в «Волге» первого выпуска, с козлом... Самое главное, этот Змей Горыныч напрямую связан с жемчугом. Про него тебе Скрябинская расскажет, я ей поручил. В общем, отправляйся в город Забавинск, делай там, что потребует Диана Васильевна. И все время помни: основная твоя задача – установить, что это за центр прогнозирования такой, где находится, что за люди. Я уже делал попытки связаться с ними, но столкнулся с глубокой конспирацией, концов там просто так не найти. Система защиты доступа ко всякой информации о них напоминает систему во внешней разведке, но гораздо изошреннее. Думал, пройдет время, сами начнут искать связи – нет, никаких движений! И тут в Забавинске появляется жемчуг, как бы ненароком всплывает Ящер... всю жизнь играл в подобные игры, но такого хитросплетения еще не видывал. Может, цену себе набивают?.. Поэтому от тебя требуется тончайшее внимание ко всем, даже незначительным деталям. Если вдруг появится возможность войти с ними в контакт, делать этого не нужно. Постарайся избегать таких ситуаций, даже если они сами начнут предлагать его. Понимаешь, почему? Прежде чем встретиться с этим Ящером, мы должны знать, чем он дышит и есть ли у него за спиной... драконьи крылья. Может, он гад ползучий, а не летающий ящер. И какая-нибудь трехголовая разведка... Докладывать будешь мне лично. Все понятно?

– Не совсем. – От странных, пугающих глубинной неизвестностью предчувствий у Самохина пересохло в горле. – Эта задача... не по моему профилю. Скорее ФСБ...

– ФСБ! – возмутился Липовой. – Они знаешь как мыслят? Если предсказал теракт, значит, связан с боевиками; если сказал, что станут обсуждать два президента на конфиденциальных переговорах – кто-то слил секретную информацию. А указал время и место авиакатастрофы – подложил бомбу! Мне нужны мозги без всяких предубеждений.

– У меня тоже есть свое мнение, пристрастия, – начал было Самохин, но был остановлен тяжелым и неприятным взглядом.

– Мне не нужны твои мнения и пристрастия! Мне нужен трезвомыслящий аналитик и ничего больше. – Адмирал перевел дух, и металл в его голосе пропал. – И прошу тебя особо, никуда не суйся, никаких самостоятельных действий. Все согласовывать со мной! Тебе там помощника приставят, из конторы, обязательно начнет вынюхивать... Смотри, о нашем разговоре ни слова. Никому! В том числе и Скрябинской. Ты выполняешь ее задание, проверяешь, в самом ли деле из песка можно спроворить зелье. И все! Да держись подальше от Хлопца. Связь со мной по этому телефону... Элементарные правила конспирации знаешь?

– Весьма ограниченно, Максим Гаврилович, в пределах своей работы...

– Телефон секретный, но все равно по имени не называй и сам не называйся, я по голосу узнаю. Ну, не доверяю я всей этой современной технике! Вся она прослушивается, кому надо... Можешь говорить иносказательно, все пойму... Да, секретарь выдаст тебе другой аппарат, хитрый. Конечно, лучше бы с маяком, чтоб со спутника было видно. Да ведь теперь и меня заставляют заявки писать, контролируют, везде нос суют. Боятся, как бы я удила не выплюнул...

Он написал номер, но сразу не показал Самохину. Уставился на него и минуту глядел так, словно танковыми гусеницами утюжил.

Прямой взгляд адмирала подавлял, как взгляд профессионального гипнотизера.

– Может, все это тебе неинтересно? – будто спохватился он. – Так сразу и скажи, неволить не стану.

– Интересно... – Самохин растерянно дернул плечом. – Только не знаю, с какой стороны начинать. Слишком мало информации – одно имя...

– Но какое – Ящер! Слышишь, как звучит, аж мороз по коже. А это кое-что значит! По молодости я устанавливал личности и находил людей по одним инициалам. А тут такое редкое, да с такой историей... Это тот самый Ящер, что сидел в шарашке Сиблага и составлял прогнозы для Иосифа Виссарионовича.

– Ого!

– Вот тебе и ого... Я перетряс все закрытые архивы – ни одного прогноза не сохранилось. Кто-то уничтожил даже упоминание об этом Ящере. А он сидел. И составлял. Есть письменное свидетельство одного химика, к сожалению, ныне усопшего... Который отбывал срок в той же шарашке и изобретал ракетное топливо. Они там под номерами сидели, но химик назвал имя предсказателя – Ящер. Или прозвище... И есть вот еще что. – Липовой пошелестел бумагами. – Я когда-то запретил Скрябинской работать с материалами из психушек. Думал, это вообще будет... А сам залез и... В конце пятидесятых туда попали несколько платных агентов из конторы. Посмотрел их истории болезни... Они Хрущеву письма писали, предупреждали, что скоро в Горицкий бор явится земной пророк со своей женой и будто у них должна родиться какая-то ясная дева... В общем, богиня. Вроде полный бред хрущевских времен борьбы с религией, но пророка этого тоже звали Ящер. А за последние сто лет на территории России не было другого человека с таким именем. По крайней мере в архивах...

– Тогда ему должно быть много больше шестидесяти, – заметил Самохин.

– То-то и оно!.. Разобраться надо. Может, для него и делают эликсир молодости... Но у меня предчувствие – это не другой Ящер. Тот! Не может быть два предсказателя с одним именем. Впрочем, кто знает? Вспомнили, например, о настоящем Ящере, объявился самозванец или назвали так группу, центр. Тогда откуда такая точность прогнозов?... Короче, завтра с утра поезжай в Ликино-Дулево, там живет один из тех самых агентов, кто при Хрущеве в спецпси-

хушке сидел. Фамилия его Допш, еще в Смерше сексотом работал. Поговори с ним, так сказать, послушай из первых уст. Все его донесения тоже были кем-то уничтожены или изъяты. Сохранилось лишь письмо в ЦК, и то потому, что подшили в историю болезни и забыли. А чтобы он разговорчивее стал, я тебе документы прикрытия сделал, полковника ФСБ... Конечно, можно было бы послать опера из конторы, но я не хочу никого больше посвящать в это дело. Как вернешься, позвони. Нужна будет встреча – встретимся. Не знаю, в каком он состоянии, все-таки возраст, и думаю, из этого смершевца много не вытащить. За девять лет пребывания в медицинском спецучреждении память выскребают до доньшка. А у кого еще немного осталось, доживают по старому правилу: больше молчишь, крепче спишь... Удостоверение оставишь себе, может пригодиться в Забавинске. Да гляди, сильно-то им не размахивай. Я тут по своим каналам сейчас проверяю, может, еще где всплывет редкое имечко. Потребуется помощь... или кто-то начнет мешать – докладывай. Возникнут проблемы оперативные – немедленно звони, вместе помаракуем... Люди вон будущее знают, делают зелье молодости и просветления, а ты какой-то канализацией занимаешься!

Бывшему секретному сотруднику Допшу было под восемьдесят, однако на старца он не тянул и оказался в состоянии плачевном: сидел в огромной детской песочнице на даче сына и играл под присмотром платной сиделки. Специальное медучреждение, где лечился старый смершевец, сделало свое дело, однако при этом он не выглядел полным идиотом.

В первый момент Самохин пожалел, что приехал и потерял время, однако сиделка – учительница из Калмыкии, приехавшая на заработки в Москву, развеяла сомнения.

– Ничего, не обращайтесь внимания. Он, конечно, неадекватен, но больше прикидывается. Мы иногда разговариваем с ним на равных. Эмилий Карлович бывает еще таким философом...

– А как же песочница?..

– Он любит пустыню. Это ему внук сделал мини-Сахару. С ним ведь очень тяжело, все время надо чем-то отвлекать...

– Странно... Он что, жил когда-то в пустыне?

– Да нет вроде... Я точно не знаю.

– Вспоминает что-нибудь из прошлого?

– Прошлым он и живет, как все старики. Детство вспоминает, как на коне катался, войну...

– Имена называет?

– Называет какие-то...

– Что-нибудь о Ящере говорил?

Сиделка пожала плечами:

– Не помню... Вроде не слышала. Я с ним третий месяц сижу, а устала...

Она провела Самохина через двор к песочнице, склонилась к Допшу и крикнула в ухо:

– Эмилий Карлович, к вам пришли!

– А?.. – Он был еще и подслеповатый. – Кто? Где?..

– На самом деле он все слышит и видит, – шепнула сиделка. – Такой характер...

Удостоверение полковника произвело на Допша обратное впечатление: не то что рассказывать что-то, вначале и разговаривать отказался.

– Идите отсюда! – показал он на калитку. – Я вас, б..., видеть не хочу!

И снова встал на коленки с малой саперной лопаткой. Однако при этом заметно разволновался, руки затряслись, блуждающий взгляд отяжелел – реакция на раздражитель была, значит, память утрачена не совсем. Он начал было копать песок, но вдруг заплакал навзрыд, превратившись из ребенка в маленького, жалкого и смертельно обиженного старичка.

Самохин присел на край песочницы и стал пересыпать песок из руки в руку. Сиделка умела утешать старика, заворковала ласково, вытерла платком лицо и подала лопатку:

– Надо сегодня закончить, Эмилий Карлович. Нам еще много копать...

Он же обернулся к Самохину с совершенно осмысленным взглядом:

– Что это вспомнили про меня?

– Да времена изменились. – Разговаривать с ним нужно было, как с нормальным человеком. – Теперь мы возвращаемся к тому, чем вы когда-то занимались...

Допш не утратил способностей к анализу, но его философия была с налетом злости и некой отстраненности.

– Чем же они изменились-то? – с горькой насмешливостью спросил он. – Как сидели наверху безмозглые твари, так и сидят. А внизу – тупая, оголтелая толпа. Теперь у нее еще и другое на уме – деньги, капиталы. Так вообще голову потеряли! Посмотришь, несутся, как больные, ничего уже не видят. Спросить бы их – куда вы, люди? Зачем растрчиваете свою энергию на то, что завтра придется бросить в пыль?

– Но есть люди, которые всерьез занимаются исследованиями непознанного, неразгаданного...

– А зачем? Из любопытства?

– Не только... Ищут выходы из создавшегося положения...

– Ну и зря ищут. От современного человека сейчас ничего не зависит. Все, что он может, это еще больше усугубить свое положение.

Надо было уходить от фатальной темы поближе к письму Допша, адресованному в ЦК КПСС, но Самохин опасался спугнуть его прямыми вопросами.

– Значит, нам нет смысла трепыхаться?

– Вы не способны оценить грядущее. – Бывший смершевский сексот взял лопатку. – Вы привыкли воспринимать будущее, когда оно становится историей. И то не всегда справедливо. Если вам удастся сломать этот стереотип, тогда есть смысл. Однако в этом случае вам грозит психбольница с закрытым режимом.

Он сам выводил на нужную тему.

– Вам удалось сломать стереотип?

– Да, за что и поплатился девятью годами интенсивного лечения. Хотите – трепыхайтесь.

– За что же вас так? – участливо спросил Самохин.

– За что? – Допш копнул сухой, сыпучий песок. – Вот вы говорите, время изменилось...

А ну, пойдите и скажите своему начальству, что, выполняя специальное задание, вы провалились под землю. В самом прямом смысле, на глубину примерно в восемьдесят метров. Да еще обнаружили там город из пирамид, который называется Тартарары. И что целый год ходили по нему и искали выход. Вам поверят? Только откровенно?

– В это поверить невозможно...

– Правильно. Сейчас вас просто уволят из органов за профнепригодность или слабое здоровье. А раньше кроме этого поместили бы в лечебное учреждение, чтоб не распространяли вредные слухи. Вот в этом отношении время изменилось.

Песочница и его абсолютно трезвые рассуждения никак уже не сочетались.

– Неужели вы в самом деле проваливались под землю? – осторожно спросил Самохин.

Допш посмотрел на него из-под кустистых и еще черных бровей:

– Слышали, есть такая клятва: чтоб мне сквозь землю провалиться?

– Ну, разумеется...

– А ну, поклянитесь, что пришли ко мне с чистыми помыслами!

– И что же будет?

– Вы сначала поклянитесь!

– Чтоб мне сквозь землю провалиться, – выдавил Самохин, глядя себе под ноги. – Я пришел с чистыми помыслами.

Бывший смершевец почему-то озлился:

– Конечно! Здесь не провалитесь, потому что под вами твердь. А есть места, где лгать нельзя! С чистыми он пришел...

– И где же такие места?

– Пожалуйста, могу указать. В Горицком бору.

– Что-то не слышал про такой бор...

– Как же не слышали? Там еще потом пустыня была, пески. – Допш явно забыл, где это, и растерялся. – Да все знают... Если ложно поклянешься, сразу в Тартарары...

– Это в Московской области?

– Вы что?.. Нет... Погодите, а где же Горицкий бор?

– Тартары – это так Сибирь раньше называлась, – подсказал Самохин.

Он просиял:

– Верно, в Сибири это!

– А в какой области?

– Не знаю... Тогда областей не было... Назывался Западно-Сибирский край.

– Может, там близко река была? – еще раз попробовал навести его Самохин: память у смершевца превратилась в пунктирную линию.

– Река была! – ухватился тот. – Сватья! Большая была, извилистая. По ней еще лес сплавляли!

– Разве есть такая река?

– Сейчас уже нет. – Он что-то вспомнил. – Еще тогда всю песком занесло...

На его лице возникла страдальческая гримаса, и это было единственным, что выдавало глубоко скрытую душевную болезнь. Однако при этом он вроде бы уже созрел, чтоб говорить о сокровенном.

– В своем письме вы писали о некоем пророке, – осторожно начал Самохин, – который должен явиться. Его имя – Ящер...

– В каком письме? – Допш привстал, руки его снова задрожали, лопатка выпала. – Я ничего не писал!

– К нам попало одно ваше письмо, старое, конца шестидесятых... В ЦК КПСС.

– Как это – попало?

– Нашли в вашей истории болезни.

Он расслабленно опустился на песок, лицо заблестело от пота.

– В истории болезни?!

– Да, было подшито...

– Если в истории... Значит, его не читали в ЦК?

– Скорее всего, нет...

– Мне нужно знать точно!

– Это точно, – на свой страх и риск подтвердил Самохин. – Письмо дальше лечащего врача не ушло.

Допш снова схватил лопатку и начал копать песок.

– Что вы знаете о Ящере? – Сергей Николаевич присел рядом с ним. – О котором писали?..

Бывший смершевец счастливо улыбался и рыл землю. Сиделка что-то заподозрила и, приподняв подол, забралась в песочницу.

– Ничего не спрашивайте, сейчас не скажет...

Но Допш на секунду замер и сказал:

– Дева родилась...

Сиделка отняла у него лопатку, повлекла из песочницы, делая какие-то знаки Самохину.

– Эмилий Карлович, вам пора делать укольчик, – заворковала она. – Мы сейчас пойдем домой, поставим укол и поспим...

Он вырвался, проворно перескочил ограждение песочницы и схватил лопатку.

– Вызовите «скорую»! – крикнула сиделка. – Сейчас приступ начнется! Они там знают...

Пока Самохин звонил, Допш пытался зарыться в землю. Сиделка отчаянно висла у него на руках, старалась выкрутить лопатку из его руки и обездвижить смершевца, но он упорно лез головой в песок и нагребал его на себя.

Когда они уже вдвоем распластали жилистого старика на земле и сиделка начала бережно очищать ему глаза и нос, Допш расслабился, засмеялся и заплакал одновременно.

– Плачьте, плачьте, Эмилий Карлович, – уговаривала его измученная сиделка. – Глядишь, слезы вымоют песок...

А он вывернул голову из-под ее рук и еще раз отчетливо произнес:

– Дева родилась! Она все-таки родилась!

3

В двадцать шестом году, ранней весной, по глухой сибирской реке Сватье, тогда хорошо обжитой столыпинскими переселенцами, случился детский мор, который позже уездный фельдшер назвал скарлатиной. И все дети до десятилетнего возраста умерли в один месяц – остались, кто был постарше и кто еще не родился к тому времени. С началом зимы, после ледостава, мужики сбивались в артели и отправлялись на отхожий промысел по всему Западно-Сибирскому краю: земли кругом были худые, тощие – один голимый песок, на котором никогда не разживешься.

И возвращались только к маю, к посевной, уже по полою воде, с подарками домочадцам, с деньгами большими и малыми, и тогда несколько дней вся Сватья гудела от праздника.

В тот год безрадостным было возвращение, к наскоро выкопанным в мерзлой земле и просевшим могилкам пришли артельщики, на поминки угодили, ибо как раз выпадали сороковины – горе по всей реке стояло лютое.

У Артемия Сокольников из Гориц было два малолетних сына и дочь, четвертым жена Василиса беременной ходила, а пришел в пустую избу: трех ребят словно ветром унесло, и мало того, не пережив смерти внуков, один за одним старики прибрались. Нашел он пять свежих могил на кладбище и жену, которая от горя сама не своя стала, сидит между песчаных холмиков, среди вековых сосен и молчит, хотя раньше говорливой была. Он уж и так к ней, и эдак, разные ласковые слова говорил, потом ругался – не помогает: сидит, будто окаменевшая. Едва домой увез на подводе, саму будто мертвую: кладбище было за три версты от деревни, на краю Горицкого бора – место всегда для могилки выбирали самое красивое. И всех покойников свозили не в Силуяновку, где церковь стояла и отпевали, а сюда, чтоб лежать приятно и чтоб не так земля давила: песочек-то в бору легенький был, как пух.

По той же причине и ямы копать было легче, а если кто помирал, говорили: «В Горицкий бор ушел».

Стал Артемий у людей спрашивать, но никто ничего не знает, будто стоворились. А тут однажды на пароме встретилась ему ссыльная бабка Багаиха и шепотком поведала, будто задолго до мора, в крещенские холода, с Василисой сделалось что-то непотребное: стала выбегать босой на улицу и звать всех в круг. Ее домой приведут, обогреют, утешат, а она посидит-посидит и снова:

– Эй, люди, выходите на мороз! Беритесь за руки, станем хоровод водить!

Несколько раз так было, а потом, видно, простыла, охрипла и скоро вовсе голос потеряла.

Багаиха втайне от власти и младенцев повивала, и знахарством пользовала, за что ее и гоняли по ссылкам еще с царских времен. Но говорили про нее много дурного, потому Артемий тогда не захотел с ней связываться, помощи не попросил, послушал и промолчал, думая, что с его возвращением Василисе легче станет: может, привыкнет, выплачется да снова заговорит. Но миновал месяц, второй, а она так ни звука и не издала. Утром по хозяйству управится и к могилкам, вечером коров подоит и опять туда – каждый день чуть ли не насильно домой приводил, уговаривал, дескать, побереги того, которого под сердцем носишь, ведь к концу лета родить должна. Однажды подарки ей выложил, что привез с заработков, но не показывал по причине скорби, в том числе и ребятишкам, а тому, еще не рожденному, – соску резиновую. Так она собрала все, завязала в узелок, пошла и в Сватью выбросила, только эту соску и оставила.

Тогда Артемий стал ждать срока, когда жене рожать приспичит, полагая, что роды и материнство притушат горе; сам же смотрит, не растет ли живот у Василисы. Ладно бы грузной была, а то статью легка и от печали исхудала так, что глаза и щеки ввалились, но бремя маленькое, эдак месяцев на четыре-пять. Хотел ее к фельдшеру свозить, уж на телегу посадил, да она

вскочила и убежала. И потом, когда Артемий сам привез доктора в Горницы, не подпустила к себе, закрылась в горенке и чуть ли не сутки просидела.

Повитуха в деревне была, но старая, слепая и уже бестолковая, говорит, мол, скинула жена от горя, так что не жди, пустая ходит.

– Как же скинула, если брюхо осталось? – недоумевал Артемий. – Пойди посмотри, пощупай. Хорошо заплачу тебе!

– Не пойду, – отчего-то заупрямилась старуха, хотя до сего троих младенцев приняла у Василисы, ныне покойных. – И денег не надо. Мне уж в Горницкий бор пора...

Как-то однажды он снова встретил бабку Багаиху, и поскольку уж всякую надежду потерял, то договорился, что она будто бы случайно зайдет к ним и хотя бы глянет на Василису, а за это он отвезет ее в деревню Воскурную за семнадцать верст.

К вечеру Багаиха пришла к Сокольниковым и попросилась ночевать. Молчаливая Василиса слова не проронила, только взглянула недобро, но Артемий словно не заметил и не отказал старухе, пустил.

Наутро коня запряг и повез бабку вдоль по Сватье. Она же сидит испуганная, глаза прячет и все слезть порывается, мол, пешком лучше пойду. Тогда Артемий вожжи натянул, схватил Багаиху за шкуру и встряхнул:

– А ну, говори, как есть!

– Ох, боюсь я, Артемий!..

– Ничего не сделаю, говори!

– На сносях Василиса твоя, скоро сына родит.

– Вот! Чего же молчишь? – обрадовался он.

– Да сама не знаю, язык заплетается...

– А почему у Василисы такое брюхо-то маленькое, если скоро?

– Тебе что брюхо-то? Не корова, чай...

– Дак в прошлые разы, бывало, подбородка доставало...

– Ныне и плод иной... – Багаиха вдруг осеклась и опять умолкла.

– Какой – иной? – допытывался Артемий.

– Да никакой, чего пристал? Вот слезу да пешком пойду!

Долго молчком ехали, и тут он спохватился:

– Ты скажи-ка, а после родов заговорит Василиса? А то ведь тяжко, когда молчит, сил никаких нет...

– Не надейся, не заговорит она больше.

– Это почему же? Речь отнялась?

– Ей теперь хару беречь надо, чтоб плод выносить. Что она видела, теперь никому не скажет.

– А что она видела? – устранился Артемий.

– И я не скажу.

– Да что же такое можно в наших местах увидеть-то? Один лес да тайга!

Бабка одной рукой рот зажала, головой закрутила – нет, а другой вокруг себя какие-то круги чертит.

Семнадцать верст пытал – не допытался.

Про Багаиху всякое говорили, дескать, в молодости она ведьмой была и могла ненароком очаровать мужика, и тот потом много лет чумной ходил. Один такой, Петруша Багаев, однажды встретил Евдокию на пароме – она все время на переправах торчала, – влюбился и начал такое творить, что народ в округе, знающий с малолетства мужика-тихоню, диву давался.

– Вот провалиться мне сквозь землю, – принародно сказал Петруша, – если я на ней не женюсь!

Жену свою оставил с детьми и, можно сказать, по миру пустил – коней продал, скотину со двора свел, чтоб эту ведьму одарить всяким серебром-золотом.

– У меня, – говорит ему Евдокия, – такого добра предостаточно! Не нужны твои дешевые подарки!

Петруша на прииски подался, два года землю копал, скалы какие-то рубил и привез ей богатства всякого и нарядов во множестве. А она все равно ни в какую, не пойду, говорит, за тебя, бедный ты и нет у тебя ничего за душой. Тогда он на заработки ушел, да не плотничать, а, говорят, матросом на корабль нанялся и два года по разным морям и океанам плавал, везде побывал, даже там, где черные люди живут. Диковин всяческих навез, шелков, плодов засушенных и даже кружало-бубен медное с колокольцами, в которое дикие люди бьют и пляшут.

Евдокия только это кружало и взяла, остальное не приняла и дает ему книжицу старинную:

– Как выучишься читать и прочтешь ее, так пойду.

Петруша-то грамоту хорошо знал, но раскрыл книгу и ничего не поймет, не по-нашему писано. Еще два года бился, все невиданные знаки разгадывал и, когда разгадал да книгу прочел, совсем чудной сделался. И вот за такого Евдокия пошла замуж. В церкви обвенчались, все чин по чину, скоро у них дочка родилась, но Петруша уже совсем блаженный стал – наденет длинную рубаху, голову травой обмотает и ходит без порток, босой, хоть зимой, хоть летом. Однажды весной он прошел по всем деревням, попрощался с людьми, а его все знали, пошел в лес и, говорят, сквозь землю провалился.

Хоть и женился на Евдокии, а все равно провалился.

А она же вскоре приходскому попу голову заморочила, потом одному заезжему барину, пока ее не взяли в каталажку, не засудили и не выслали в Сибирь.

К зрелости Багаиха перестала портить мужиков, но своего колдовского ремесла не бросила, шастала по дорогам и переправам, по деревням и селам, и кто принимал ее, кто взашей гнал, но все боялись, чтоб порчу не навела. Например, за одно снадобье от чирьев иногда телку попросит, и попробуй откажи – вмиг сглазит, и все равно пропадет скотина. Или напротив, человек уж при смерти, а она над ним неделю колдует, зельем своим отпаивает, и на тебе – встал человек, засмеялся и пошел, но бабка Евдоха за это гроша не возьмет.

Никогда не угадать было, что у нее на уме.

– Ну, хоть когда рожать станет, ехать за тобой? – спросил напоследок Артемий, когда к Воскурной подъезжали. – Примешь младенца?

– Добрый ты мужик, – она соскочила с телеги и заспешила прочь. – Да не обессудь уж, Артемий, не приму!

Все трое умерших детей Артемия зачаты были в мае, после его возвращения с заработков, когда была весна, веселье, предвкушение тепла, лета и раздолья. А этот, не родившийся, – в начале зимы, когда от первых сильных морозов трещат деревья и лопается земля, еще не покрытая снегом; когда надо оставлять хозяйство, идти в чужбину, на отхожий промысел, и когда ничего не греет душу, кроме любви.

После того как Василиса отписала в Тюмень, где Артемий с артелью рубил бараки, и сообщила, что понесла, он обрадовался так, как не радовался ни одной подобной вести.

И вот стал приближаться срок. Артемий старался далеко от дома не уезжать, неделю ждал, вторую, третью и вовсе глаз с Василисы не спускал – и признаков не видать. А был конец августа, из-за знойного суховея из Тарабы травостой выдался худенький, сена Артемий убрал мало и вздумал в канун Преображения Господнего зеленый овес скосить на дальнем пожоге – иначе не прокормить двух лошадей. Запряг коня, заскочил в телегу и галопом на свой пожог. Там до полудня помахал косой, но и четверти овса не повалил: вдруг сердце екнуло – домой надо!

Верхом прискакал, забежал в избу – нет Василисы. Он на кладбище, но и у могилки пусто...

Тяжело стало, смурно на душе, побежал по соседям спрашивать. Потом всех встречных-поперечных – никто не знает, куда ушла и когда, видели, утром коров в стадо выгнала да на колодец за водой сходила.

Артемий кинулся в деревню Копылино, откуда замуж Василису брал: у ее братьев Пивоваровых нет, у тестя, который один доживал на пасеке, не была и к своей тетке Насте не забегала. Тогда он поскакал в Рошуп, где жила родная сестра Анна с мужем Алексеем Спиридоновичем, а оттуда в Силуяновку, где были сельсовет и церковь, думая, может, помолиться отправилась перед родами да причаститься, – не видели нигде Василисы.

Домой возвращался за полночь, притомленный конь шагом шел, а сам Артемий едва в седле держался – расслабился так от горя и отчаяния, хоть сам иди в Горицкий бор и ложись. Но до кладбища еще далеко было, версты четыре, пожалуй, когда вдруг услышал он стоны в бору и тут же залихватский детский крик – не почудилось! Потому как рабочий мерин под ним вдруг вскинулся, запрядал ушами и заржал, словно зверя рядом почуял.

– Васень! Васеньюшка! – крикнул Артемий и прислушался.

Ребячий крик повторился, и будто рядом с дорогой, но Горицкий бор ночной – темный, непроглядный, небо тучами заволочло. И только Артемий ногу из стремени вынул, чтоб спешиться, как конь на дыбы взвился и понес – откуда и резвость взялась!

Наездником Артемий был хорошим, с раннего детства на лошадях и в кавалерии служил, удержался бы и смирил удилами перепуганного мерина, да жалел его и обычно ездил на разнузданном – не сдержат прыти! Дорога же по бору узкая, сучья низко нависают – очнулся на земле, грудь болит, дышать тяжело. Кое-как поднялся на ноги, раздышался и не в Горицы, а назад побрел, где стоны слышал и младенческий голос.

До восхода по лесу ходил и никак места узнать не мог. Кругом одинаковый беломошный бор и увалистая, волнистая земля, как везде. Когда рассвело, стал следы конские искать. И хоть расплывчатые в текучем песке, однако же нашел: здесь мерин встал, когда первый раз крик послышался, тут задом взлягнул, а с того места понес. Весь придорожный лес слева и справа на карачках прошел, каждое пятнышко на белом мху руками пощупал – нет, сухие грибы-поганки, осиновые листья, ветром занесенные, да кора от сосен.

Капельки крови не видать...

Ладно, Артемию могло померещиться, ибо весь день ездил по лесам и мысленно ждал звуков родовых мук, но старому коню-то с какой стати вздурить? Может, неведомая ночная птица вскричала эдак? Или придавленный лисой зайчонок заверещал?..

Пришел Артемий домой черный от горя, надежда, что Василиса вернулась, в один миг развеялась, как услышал он рев необряженной скотины. А был в этот день как раз праздник Преображения, кто в Силуяновку, в храм поехал, кто своим хозяйством занят и в свое недавнее горе погружен – не заметили в Горицах, не увидели, что у Сокольниковых творится недоброе.

Кое-как Артемий подоил коров, выпустил на волю, молоко телятам вылил да рук не опустил, поскольку ощутил сильную тягу поехать и при свете дня глянуть на то место, где Василиса стонала и младенец кричал – он уж не сомневался, что так и было. Мерина в стойло поставил, а подседлал кобылу, которая с жеребенком-сеголетком ходила, и поскакал в Горицкий бор.

А бор этот во все времена считался заповедным: там лесу никогда не рубили, ягод-грибов не собирали, поскольку не росли они на сухом беломошнике, и люди туда ходили редко, по самой великой нужде. Когда переселенцев посадили на Сватье, пришли к ним старики-староверы и строго-настрого наказали, чтоб никто из пришлых не смел с топором в Горицы ходить, мол, ветку сломаете – враз беда обрушится на всех, кто живет в его окрестностях.

– Где же мы лес-то станем рубить? – спрашивают мужики. – Нам же строиться надо!

– Где хотите, но в другом месте!

– Кому-то можно рубить и даже в бору жить, а нам нельзя? – обиделись переселенцы.
– Никому не позволим!

А тогда в самом бору образовалось целое село Боровое, мужики даже церковь срубили, но эти зловредные старики, говорят, никакого житья им не дали и лет через десять выжили их из заповедного места. Правда, был слух, будто они сами ушли оттуда, забоялись чего-то, что ли? И вроде в одну ночь сбежали и далеко от этих мест – в степь Тарабу!

Когда мужики освоились на новом месте, обошли и объехали всю округу, то сами убедились, что Горицкий бор беречь следует, поскольку южная его сторона выходила к Тарабе – голой бесконечной степи с соленой водой и землей. А по степи этой что летом, что зимой ветра ходят страшные, пыльные, поэтому люди там живут узкоглазые, привыкшие от песка и снега щуриться. Не будь этого бора, словно крепостная стена стоявшего на песчаных горах, выдуло бы, просолило всю жизнь по Сватье, да и сама бы река пересохла от суховеев. Поэтому сосны здесь стояли многовековые, кряжистые, с огромными и искривленными ветром кронами. Даже в солнечный день зайдешь, а в бору темно; шепотком слово скажешь – далеко слышать, будто в сводчатом храме. Горицами же это место называли потому, что вся земля под бором была увалистая, сажени ровного места не сыщешь, косогор на косогоре. И место это высокое, выше всех лесов: когда поднимешься на Горицкое кладбище у края бора, так все кругом видать верст на полста, даль аж голубая, дух захватывает.

Старожилы говорили, тут когда-то в древние времена пустыня была, а увалы эти – песчаные барханы, чуть оплывшие и давным-давно поросшие соснами. Если на каком склоне случайно корку мха скovyрнешь, песок тут же и потечет, будто вода, и проходит год или два, прежде чем ранка эта затянется.

Ливень пройдет, дождик ли затяжной или зимний снег стает – земля на вершок промокает, не более. Копни глубже – сушь вековая!

И как только сосны здесь росли?

От переселенческой деревни Горицы до края бора, где было кладбище, считалось всего три версты, однако Артемий не заметил, как их проскочил на резвой кобылке. Поднялся на гору, спешил, взял в повод и пешком пошел, хотя до того места, где младенец кричал, далеко было, но хотел еще раз следы поглядеть. Мало ли ночью что поблазнится...

Проселок был песчаный, текучий, ноги по щиколотку утопают, словно в воде, еще много Артемий отшагал, прежде чем отыскал то место, где выбило его из седла.

Оттуда и искать начал.

Без малого два часа бродил, прошел все окрестные увалы вдоль и поперек, каждый бугорок осмотрел, где мох сорван, проверил, нет ли каких следов, на версту вглубь уходил, в глубокий сухой лог между увалами спускался и за логом весь косогор обследовал: мало ли как бывает, ночью далеко слышать. Ни следочка, ни звука! Только белый ягель-мох под ногами скрипит, как снег замороженный. Что делать? Походил, походил еще да назад поплелся – кобыла с жеребенком за ним бредут, тоже горестные.

– Васенья? – позвал он тихо. – Васеньюшка? Куда ж вы канули-то, родимые?..

А сам глаз от земли не подымает, что заалеет во мху, тотчас кидается, смотрит да щупает, да более всего красная кора сосновая попадается.

– Васенья! – закричал громче. – Коли обидел, дак прости! И вернись поскорее! Васеньюшка!..

И тут ясно увидел: торчит из-под мха тряпица окровавленная, а кругом выбито, вытоптано, словно кто-то на спине валялся. Артемий пал на колени, отвернул пласт мха, а там вместе с тряпицей и детское место припрятано...

Вот где рожала! Ведь утром ходил здесь и пяти шагов не дошел!..

Вскочил, огляделся и заметил еще длинную и кривую бороздку свежего песка, словно кто-то из ведра натряс. Иногда такие высыпки по бору попадались, но считалось, что это земляные муравьи песок взрывают и яйца свои сеют.

– Василиса! – закричал в полную глотку и чуть не упал, схватившись за дерево.

Зашаталась под ногами земля, заходили волнами увалы, сосны затрещали и до земли согнулись. Из чистого же неба выскочила молния и, словно раскаленный в горне прут, ткнулась чуть ли не в ноги. Артемий отскочил, кобыла заорала по-человечески, ибо в тот миг разверзлась земля и стала расходиться извилистой трещиной, эдак сажен в тридцать! Он успел лишь схватить тряпицу с родовой кровью и, сбитый с ног, откатился в сторону – прочь от оврага, на глазах расширяющегося. А земля из-под ног так и валится, валится в бездну вместе с деревьями; кобыла в последний момент выпрыгнула на твердь, но жеребенок не поспел, заржал, заплакал и рухнул в песочную пропасть. А за ним – тряпица, будто птица, вырвалась из руки и улетела!

На четвереньках Артемий отполз подальше, ухватился за сосновый пенек и обернулся...

Мать родная! Дна у этого оврага не видать! Лишь что-то там поблескивает, словно речная рябь.

Зажмуриться бы, да глаза остекленели!

Тем временем земля уж смыкаться стала, берега оврага так же на глазах сошлись, схлопнулись, и остался лишь рубец со свежим красноватым песком. Увалы, покрытые соснами, еще немного потряслись, будто звериная шкура, и успокоились. Тихо сделалось кругом, аж в ушах зазвенело, лишь кобыла, потерявшая жеребенка, бегала взад-вперед, землю нюхала, там, где прорва была, и призывно ржала.

Очухался Артемий, встал на ноги, огляделся – что же это было-то? Ступил шаг-другой, ничего, твердо держит земля. Глядь, а того места, где жена рожала и где послед в мох спрятала, нет более, провалился!

Вместе с ближайшими соснами и пятью саженями земли!

Только теперь ему и страшно стало: должно быть, Василиса вместе с младенцем вот так же в бездну канула!

Сейчас же земля разверзлась, чтоб и место поглотить – следа не оставить...

Вернулся он в Горицы уже в сильной горячке, слег и сутки пролежал один, в бреду и умопомрачении. Соседи спохватились, что скотина орет и во дворе никого не видать, пришли, умыли его, поскольку все лицо взялось коростой и струпьями, водой напоили да послали за Багаихой. И исполошенные мужики собрались в артель и пошли искать Василису по всем окрестным лесам, кричали, из ружей стреляли и костры ночью жгли – не объявилась.

Артемий же очнулся и сказал, чтоб не искали, ибо жена его сквозь землю провалилась, однако никто не послушал его, посчитав это бредом, и односельчане еще три дня рыскали по бескрайним увалам, борам да речным берегам.

Багаиха пришла, посмотрела на окоростившегося Артемия, велела всем выйти из избы, навела в горшке какого-то снадобья, попить дала, лицо взбрызнула, и он уснул.

А как проснулся, спросила:

– Поди, жену ходил искать?

– Ходил, – признался он.

– А в Горицком бору земля расступилась?

– Расступилась... А ты откуда знаешь?

– Все, молчи и не говори никому. Забудь, зарок себе дай! Не то пропадешь. И не ходи больше в Горицкий бор, не ищи ни жену, ни младенца.

– Почто же так-то?

– Не след тебе знать. Погибнешь от тоски да печали. Как поднимешься на ноги, езжай в Силуяновку да закажи молебен за свое здравие, пудовую свечу поставь.

– За свое?.. А за Василису с младенцем?

Бабка Евдоха молчит, взгляд отводит.

– За упокой, значит?..

– Не наше это дело, не знаем мы, где они ныне...

– Не поеду в Силуяновку... И мне бы провалиться!

– Поедешь! У тебя другая доля...

– Да зачем мне молебен заказывать?..

– Чтоб встал поскорее, я тебе внучку свою пришлю. Она скоро тебя поднимет...

И верно, через день Евдоха прислала внучку, рано овдовевшую Любу, которая замуж в город выходила, а по смерти мужа в Воскурную вернулась и будто бы стала учиться бабкиному ремеслу.

Поначалу, пока был в горячке, Артемий на нее и не смотрел, лишь снадобья, питье и еду принимал и думал, что за хороший уход ей и стельную телку не жалко будет отдать. А Люба успевала и его пользоваться, и с хозяйством управляться – даже на дальний пожар съездила, овес докосила, высушила и убрала в скирду. Когда же дело на поправку пошло, Артемий наконец-то разглядел Багаихину внучку: вроде и собой хороша, и домовита, и приветлива, да и обвыкся за месяц, пока хворал.

– Оставайся-ка у меня, – предложил, когда на белый свет впервые сам выбрался.

– Осталась бы, Артемий, да люди осудят.

– Чтоб люди не осудили, в работницы возьму. Мне ведь с таким хозяйством не управиться.

– А если жена твоя, Василиса, отыщется?

Артемий лишь голову повесил.

– Ладно, – сказала Люба. – Только к бабке схожу, спрошусь.

Сходила в Воскурную, спросилась и пришла как хозяйка. Все Василисины вещи собрала, завязала в узел и по реке пустила втайне от Артемия, потом карточки со стен исчезли, все женские инструменты – вальки, рубила, льнотрепалки и даже веретешки в банной каменке сожгла. А когда Артемий спохватился и ругаться стал, сказала строго:

– Не извести ее духа – не будет тебе покоя. Вслед за собой в преисподнюю уведет. Хочешь к ней – иди в Горицкий бор да крикни ее, а нет, так помалкивай.

Потом и вовсе привела из Рощупа старика-тесальщика, который в неделю все стены в избе заново отесал, полы рубанком выстрогал и потолки зачем-то воском навошил. Артемий больше не противился: ведь и верно, коли жить собрался, надо жить нынешним – не прошлым...

Как и положено, он выждал год после того, как пропала Василиса, женился на своей работнице Любе, и через несколько месяцев у них родился сын, коего нарекли Никиткой...

Не ходил больше Артемий искать Василису с новорожденным, однако всякий раз, как доводилось идти или ехать одному через Горицкий бор, непременно заходил на то место, где видел послед и где разверзлась земля, садился рядом под дерево и тихо сидел без единой мысли в голове.

И обязательно являлся сюда в день Преображения, чтоб помянуть и ненадолго вернуться в прошлое. В первый еще год он вытесал у себя на дворе высокий крест из лиственницы, свез его в бор и установил там, где еще была заметна красноватая песчаная высыпка – хоть и не могила, да все равно память. Но спустя месяца полтора, когда Артемий ехал из Силуяновки и завернул к тому месту, увидел, что крест упал, вывернувшись из земли. Тогда он поставил его кое-как, затем приехал с лопатой, вкопал поглубже, тщательно утрамбовал песок, мхом заложил и сверху водой полил, чтоб приросло.

Еще через месяц он заехал снова и обнаружил крест лежащим на земле. И вокруг вроде бы следов не видеть...

После того как крест рухнул в третий раз, Артемий не стал больше устанавливать его и оставил так, как есть. Было подозрение, что делает это Люба из желания стереть память о Василисе, но вряд ли было ей под силу раскатать и выдернуть из земли тяжелый, пудов на восемь, и закопанный на полсажени крест. К тому же крепчайшая, устойчивая к дождю и снегу листовница отчего-то стала быстро гнить, покрываться мхом, и спустя четыре года, к маю, памятный знак вовсе превратился в красноватую труху.

В это же время и начала помирать бабка Багаиха.

Занемогла она еще в марте, когда всем миром поминали усопших от мора детей, легла на печь и более не встала. Трижды Люба навевалась в Воскурную, трижды, дождавшись кончины, закрывала ей глаза, но бабка через несколько часов начинала дышать, оживала и даже разговаривала шепотом. Тут и засудачили по деревням про ее ведьмаческое нутро. Тогда Люба поехала в церковь, поднесла батюшке подарков и упростила его исповедать и причастить бабку Евдоху, которая все время вроде бы и Бога поминала, но не видели, чтоб лба крестила. Поп справил все, как надо, в избе возле печи и молебен отслужил, после чего Багаиха сама закрыла глаза и вроде бы дышать перестала.

– Только не везите ее в Горицкий бор, – велел поп. – В Силуяновке схороните, возле церкви.

Он и раньше противился, чтоб в бору хоронили...

– Ближний свет! – сказала на то Люба. – За сорок верст! И в бору полежит как миленькая!

Внучка выждала сутки, пошла гроб заказывать, и тут Багаиху начало корезить и ломать – крик, вой и стон вся деревня слышала, а еще ветер поднялся страшный, с многих изб крыши снесло, остатки сена развеяло по полям, куры вздымались на воздух и улетали за много верст. Двое здоровых мужиков пытались удержать бабку, чтоб не билась, но она вырвалась, упала с печи, выгнулась через спину и пошла кататься по полу колесом. Всех, кто присутствовал при этом, ужас охватил, остановить и утихомирить не могут, а убежать сил нет, ноги отнялись.

Багаиха же закатилась под лавку, и вроде полегче ей стало, Любу зовет рукой и что-то шепчет. Внучка к ней склонилась, бабка и говорит сквозь стиснутые судорогой зубы:

– Пошли за Артемием...

Послали. Прискакал Артемий на взмыленном коне, а бабка Евдоха велела выйти всем и даже близко возле избы не стоять.

– И мне тоже выйти? – обиделась внучка, охочая до всяких тайн.

– А тебе дак в первую очередь!

Когда все ушли и дверь притворили, бабка и шепчет:

– Хотела истину от тебя скрыть, в могилу с собой унести, да Бог не позволяет. Не будет мне смерти, пока не скажу.

– Ну, говори!

– Василиса твоя жива...

– Жива?..

– Она у Бога в гостях, вместе с младенцем...

– Разве так-то бывает? Мы ведь люди простые...

– Бывает. Бог ее спас, потому как зачала она не земного человека, не просто сына тебе, а земного пророка для всех людей.

– Да в уме ли ты, бабка? Что мелешь-то?

– Слушай меня и не перебивай, – застрожилась Багаиха. – Предсмертные слова не человек говорит, а Бог его устами... Истинно говорю – зачала пророка! Дьявол же узрел, неладное творится, скоро выметут его с земли, как сор, а сам не знает, который из ребятишек-то избран. Дети, ведь они все святые, и дьяволу не угадать Божьи промыслы. Только место знал, где он

должен явиться... Вот и устроил избиение младенцев, как Ирод, жертву кровавую принес. А говорят – скарлатина! Фершала, они на то и существуют, чтоб дьявольские дела покрывать. Как только Бог замыслит пророка к нам послать, так мор какой-нибудь, хворь нападет, а фершала уж тут как тут... Но на сей раз не ведал, треклятый, что Ящерь еще в утробе Василисы был!

– Ящерь?..

– Земные пророки имя такое носят. Но ты слушай, а то дыхания уж не хватает... Он в утробе был, но матери дал знать, что будет избиение. Голосом сказал, а она и услышала... Испугалась за своих детей и побежала всех звать в круг. Бегала босой в мороз да кричала... И докричалась бы, а коль люди в круг бы собрались, не было мора... Вот Бог и велел ей хару беречь и лишил речи, дабы себя не выдала и Ящеря своего. Каково же ей было знать про мор, ждать его и видеть, как ребятишки гибнут?

– Долго ли они в гостях-то пробудут? – не сдержался Артемий.

– Да ведь это от нас не зависит. Слушай дальше... Потом и невеста ему явится на свет, звать ее будут Ящерица, то есть земная пророчица. Станет она нареченной Ящерю, и как созреет, они должны свадьбу сыграть. Дьявол всячески мешать станет, но ты не вмешивайся...

– Как же мне не вмешиваться? Дети же!..

– Не твое это дело – божеское. Коль они дьявольских страстей не испытают на себе, никогда истинной радости не узнают. А только в радости и любви должна родиться у них ясная дева... И вот тогда к тебе Василиса вернется...

– Вернется?..

– Да только в ином образе...

– Как это – в ином?

– Ты не перебивай меня!.. В таком ином... Что у Ящеря с Ящерицею дева родится. Только уж не Василиса будет, а другое имя. Но ты знай, внучка твоя и будет с душой Василисы... Ой, забыла имя ей... Тоже чудное, непривычное... Она и станет владычицей всего мира. Все народы ей поклонятся и признают богиней... Погоди, как же имя-то?

– Да будет тебе про имя, – поторопился Артемий. – Где сейчас-то Василиса с младенцем? На небе или на земле?

– Да ты же видел, куда они ушли...

– В том-то и дело, не видел. Посмотрел лишь, как земля расступилась и место поглотила... Да не верится мне! Неужто и впрямь канули они в Горицком бору?

– В Тартарары улетели. Но ты про то никому не говори, – строго предупредила Багаиха. – Разве что самым верным людям, которые за тобой пойдут. В Горицком бору и есть врата божьи, и потому там только шепотом говорить можно, а кричать нельзя, тем паче разные клятвенные слова произносить. От всякого громкого слова, сердцем исторгнутого, земля расступается и открывается бездна на сорок сажень глубиной. Люди думают, в преисподнюю, ну так и пусть думают, раз слепощарые...

– Да как же там жить-то, под землей? – усомнился Артемий. – Не слыхал я такого. А сам думаю, где одни пески, сухие да сыпучие, нет жизни. Не врешь ли ты мне, бабка?

– Как мне врать, коль я для исповеди позвала тебя? Будет хоть одно слово ложно – меня ни земля, ни огонь, ни вода не примут. Так вот, слушай... – Бабка Евдоха духу набрала. – Там, под Горицким бором, храмы великие стоят. Настолько великие, что в каждый пять ли, шесть ли деревень наших войдет. Одни из камня лазурного, другие из мрамора-гранита, третьи из камня-алатыря, всего числом семнадцать. А венчает их храм хрустальный, в коем до сей поры горит огонь незнаемый, отчего пески там сухие и сыпучие. Потревожишь шумом сей огонь – ударит с неба молния, и когда земной и небесный огонь соединятся, можно и Бога увидеть, ибо это и есть Бог. Ну, и разойдется земля на минуту ли, две... Вокруг же храмов каменные звери стоят на страже, во все стороны смотрят, охраняют град божий, имя которому – Тартарары. Только он весь песком занесен в давние времена, от людского глаза спрятан. А ныне там

бор стоит вековой, покой стережет. А когда снова станет пустыня, разнесет песок ветром по всей земле и откроется град...

– погоди, бабка, байки рассказывать, – перебил ее Артемий, – скажи лучше, отчего Василиса туда рожать побежала?

– Ох, недоумок ты еще!.. Твоей Василисе Ящерь из утробы шепнул, где рожать ей след, потому и убежала в бор.

– Разве дома-то не могла?

– А кто бы принял такого младенца? Не-ет, Бог сам повивать его вызвался. Крикнул младенец – соединился огонь, разверзлась земля, открылись ему врата. И пошли они в гости к Богу. Люди ведь сами себе открывают их: на свет божий криком младенческим, на тот свет – молитвенным шепотом или легким вздохом. Да ведь забыли те молитвы, потому не расступается земля-то, не отворяются ворота. Вот и придумали ямы копать да зарывать покойных... Даже я не ведаю слов этих, сколько уж кричала – не отворяются...

– К ним хочу! – застонал Артемий. – Хоть и живу с твоей внучкой, а все про Василису да младенца нашего думаю. Пойду сейчас же и крикну!..

– Не смей! Тебе иное отпущено, стеречь врата божьи! Я вижу твою судьбу... Жить тебе в Горицком бору и покой охранять, чтоб не оголились увалы да не стронулись пески... Коли до срока выйдет на свет из земных глубин град божий Тартарары – горе будет великое, потоп огненный...

– Да что мне бор-то! – взревел Артемий. – Думал, научишь, как откопать их да на свет возвратить...

– Не вздумай! Сторожи врата божьи, тогда Ящерь со своей невестой соединится. И дева родится, внучка... Как же ей имя-то, вразуми...

– Я хоть еще раз увижу их?

– Увидишь и скоро совсем... Ну, вот и все сказала. Теперь душа моя освободилась, и мне отворятся врата... Вот не вспомнила, как же имя-то деве? Надоумил бы Бог... Ведь унесу же с собой...

– Как же мне теперь жить? Делать-то что?

– Ох, и бестолочь же ты, Артемий! Живи и жди знаков. Василиса тебе знаки станет подавать, а ты слушайся. Она подскажет тебе, когда и что делать. Когда сыночка встречать, когда в привратники...

– Какие знаки-то?

– Да не сказать и какие... Как Василисе вздумается, так и подаст. Во сне ли явится, наяву ли придет... Ты слушать должен, а послушав, увидеть, распознать, знак это или блазнится... погоди, погоди!.. Ой, еще забыла предупредить! Только судьбу свою береги, не изврати!.. Не спасешь тогда врат божьих...

Бабка всхрапнула, закрыла глаза и умерла.

И уже мертвая сказала:

– Никому не сказывай, что поведала тебе. Ни бодрым, ни сонным, ни живым, ни мертвым... Не живым, не мертвым, а только верным людям. Да хару береги, хару...

– Какую хару-то? – спросил Артемий. – Эй, погоди!.. Ты про что говоришь-то?

Она уже не слышала, поскольку сказала облегченно:

– Ну вот, и пошла я в Горицкий бор...

Только тогда вылетела ее душа на волю, словно резвая птица, разбив глазок в окне.

Когда стекло осыпалось, люди на улице всполошились, в избу вбежала Люба и к покойной:

– А мне скажешь что? Откроешь? Ты ведь обещала, как отходить станешь!..

– Да она уж отошла, – сказал Артемий.

– Как – отошла? – взъярилась внучка. – Я вот ей отойду! Быстро на ноги подниму!..

Схватила кочергу и давай лупить бесчувственное тело. Артемий сгрэб ее в охапку, вынес на улицу и окунул в кадку с водой.

– Остынь, дуреха, померла бабушка...

– Она же посулила мне знахарство передать, – заплакала Люба. – Говорила, последней тайне научу, ключик тебе дам...

– Что теперь реветь-то? – попытался утешить Артемий. – Видно, не захотела...

– А тебе она открыла что? Все мне расскажешь, чему научила!

– Обожди, давай сначала похороним бабку, домой приедем...

– Нет, сейчас говори! – взъерепенилась жена. – Покуда тело не остыло. Иначе забудешь или знахарство силу потеряет!

– Да не скажу ничего, и не проси! – отрубил Артемий. – А будешь приставать, так подол заверну и розгой отстегаю.

Люба за четыре года норов мужа узнала, потому язык прикусила, а после похорон ласковая сделалась и давай ненароком про бабку свою разговоры заводить, верно, полагая, что он проболтается. Артемий же слово держал, и, как Люба ни билась, ничего от него не услышала.

– Коли ты молчишь, так и я буду молчать, – заявила она. – Еще почище твоей Василисы!

И стала делать все назло. Никитка, например, за день соскучится и лезет к отцу на колени. А Люба на глазах-то ничего не скажет, а потом исподтишка розгой сына отстегает и уши навертит – не лезь к отцу, не лезь к отцу! – потом в чулан посадит. Раза два Артемий подобное заметил, сделал строгое внушение, да видно, не дошло до разума: однажды неурочно с пожни вернулся и снова застал порку. Отнял розгу.

– За что ты парня дерешь?

Она молчит, сопит от злости.

– Яичко из гнезда взял, – признался Никитка. – Без спросу...

– У нас в семье, – сказал Артемий, – без вины не секли. Я вырос непоротым и не позволю моего сына пороть.

Думал, наука будет, но куда там, еще больше стала жена делать во вред. Он с пашни домой, а она метнет что на стол, сама в горницу и ну реветь в голос – кусок в рот не лезет. Да что делать-то? Ведь сказано было ему – жить и ждать знаков от Василисы.

А тут ни с того ни с сего Никитка стал смотреть на него волчонком, позовешь – убегает и прячется. Худо все пошло, но самое худое впереди было. Как раз по Сватье началась коллективизация, пока что добровольная, так Люба пошла и записалась в колхоз: поскольку жили они венчаные, но не расписанные в сельсовете, то она для властей женой не считалась и была вольна делать что захочет. Записалась и пришла домой, чтоб половину скота – корову, коня и десяток овец – согнать на общий двор.

– Когда заведешь свое, тогда и сгонишь, – сдержанно сказал ей Артемий. – А сейчас ступай-ка из хлева, возьми свой узелок, с которым ко мне пришла, и отправляйся в колхоз.

Тут уж Люба молчать не стала, все ему припомнила, кулаком назвала, мироедом и прочими мерзкими словами, заявив, что она по новым законам имеет право на половину имущества. Он же бессловесно выслушал, снял со стены чересседельник, завернул подол и стал учить строптивую бабу. А здесь прибежал Никитка – четырех годков еще не было, взял палку и на отца замахнулся.

Артемий чересседельник бросил, взял мальчика на руки.

– Ты что, сынок? Кто тебя научил?

– Мамка, – простодушно признался.

– Вот за это у нас в семье пороли! Сейчас обоим всыплю!

Люба, пользуясь случаем, схватила сына, крикнула, дескать, не имеешь права колхозницу пороть, не старые времена, да побежала в свой колхоз. Там ее научили бумагу на мужа напи-

сать, а властям того и надо, пришли и давай воспитывать, мол, если добром скотину не отдашь – силой заберем, а самого отправим на Соловки.

Артемий отходчивым был и сам уже не раз пожалел, что не сдержал гнева – Василису за всю жизнь и пальцем не тронул. Выгнал из дома посторонних и говорит:

– Я приучен с малолетства к миру в семье. Не дело это, когда жена свою вожжу тянет, а муж свою. Никуда мы так не уедем. Домом своим я правлю. Хочешь в мире и согласии жить – слушайся меня. А нет, так бери мерина, корову, овец и ступай в колхоз. Так тому и быть. Только Никиту я при себе оставляю.

Ей в колхоз-то и не нужно было, все хотела заставить Артемия, чтоб открыл, о чем Багаиха перед смертью говорила. Поняла, что злом от него ничего не добиться, повинилась, сделалась покорной – выписалась из колхоза, бумагу забрала из органов и вроде опять ласковая стала. Только он-то уж знал, что это притворство, и благодати в доме не наступило. А чтоб судьбу свою не извращать, и приходилось жить и ждать знака.

В то время все чаще Артемий стал ходить в Горицкий бор уже без всякого задела, разве что на кладбище по пути зайдет, у могилок постоит, а больше всего – чтоб посидеть возле сгнившего и вросшего в мох креста, возле врат божьих и ни о чем не думать. Придет, сядет под сосну, и вроде минуту и пробыл только, но глядь, уж и солнце село!

Однажды осенью перед Покровом – уж снежок пробрасывало, посидел так же и, когда свечерело, встал, чтоб домой идти, но глядь, а по впадине между увалами паренечек бредет, мальчонка еще, лет пяти, и за ним – жеребенок. Идут сами по себе, ничего вокруг не замечают, мальчишка в землю смотрит, будто следы ищет; несмотря на холод, в одной рубашонке и ноги босы...

И вдруг екнуло сердце у Артемия! Паренечка-то он не признал – как признать, коль не видывал никогда? – но жеребенок-то! Мать честная, сеголеток-то и статью, и мастью вылитый тот, что в прорву угодил, когда земля разверзлась!

Вот он, знак Василисин!

И еще опахнуло лицо дыханием горячим, любовным, от коего голова всегда шла кругом...

Как стоял, так и сел Артемий, никак с прошлым не сладить, разумом не схватить себя за плечо, не встряхнуть – опомнись! Ведь четыре года миновало, из жеребенка ведь уж конь бы вырос...

И с сердцем своим не побороться. Коль они на пару ходят, так мальчишка-то... Малец-то... Должно быть, их с Василисой сын!

Знак, знак!

Задохнулся Артемий и раздышаться не может, будто снова с коня навернулся. Кое-как хватил воздуха, унял страстную лихорадку, а малец с сеголетком тем часом мимо прошли, развернулись и назад бредут. Хотел он окликнуть, да вспомнил, что нельзя в Горицком бору кричать – вдруг да опять расступится земля?!

Тем временем мальчонка с жеребенком скрылись за соснами, словно и не бывало. Артемий в одну сторону, в другую – нет нигде. Вскинулся, побежал на дорогу, прыгнул в седло и домой скорее – не знак это, а наваждение! Память прошлого мучает, не дает покоя, вот и блазнится...

Только в ту ночь уснуть не мог, по избе ходил, по двору, улицей взад-вперед, потом снова в избу, везде подавляя желание немедля бежать в Горицкий бор.

– Что не спишься тебе, Артемий? – жена из темноты позвала.

– Гумно топлю да стерегу, – не стал мыслей своих открывать. – Разгорелось жарко, кабы снопы не занялись...

Едва рассвело, взял топор, пошел стропила вытесывать для конского стойла, и тут-то его осенило: коль не наваждение это, не болезнь от тоски, а истинный знак Василисы, то кобыла-

то жеребенка своего признает! Ведь она после того не жеребилась больше и еще долго ходила да искала свое дитя...

Подседлал он кобылу, вскочил и помчался в Горицкий бор. На дороге спешился, взял в повод.

– Пошли, родная... Сомнения меня берут, может, ты их разрешишь...

Пришли они к месту, и кобыла сразу же что-то почуяла, голову вскинула, зафыркала и ушами сторожко стрижет. Минуты не прошло, как паренечек с сеголетком появились, снова бредут меж увалов, ищут что-то. И тут кобыла сорвалась да к жеребенку и давай его обнюхивать, ласкаться; он же к ней под брюхо и к вымени! И бьет, бьет носом, чтоб молоко выбить!

Артемий на сей раз духа не утратил и окликнул тихонько:

– Эй, паренечек?

Он беленькую головенку поднял, смотрит чистыми глазами, а сам подрагивает от холода.

– Ты что тут ищешь?

– Мамку потерял...

У Артемия сердце задрожало.

– А чей будешь-то?

– Не знаю...

– Как же мамку твою звали?

– Не помню я. Мамка она и есть мамка.

Артемий подошел к нему, присел, в глаза заглянул:

– Имя-то свое помнишь?

– Имя помню. Ящерем зовут...

Артемию бы обнять его, да постеснялся показать, как руки дрожат.

– Ты сынок мой, – сказал. – Вот уж пятый год вас ищу.

Ящерь отступил, глянул пытливо:

– На моего тятю не похож ты...

– А ты помнишь тятю?

– Не видал ни разу. Он на заработки ушел да и ходит где-то...

– Погоди, погоди... Что же говоришь, «не похож», коли не видал?

– Мамка сказала, тятя мой молодой был, красивый, и волосы черные. А ты белый весь, как старик.

– Это я поседел, сынок. От горя.

– Добро, пойдем домой. – Ящерь дал руку. – А то уж холодно по лесу ходить.

Артемий оглянулся и замер: из сосков кобыльего вымени струилось на снег давно присохшее молоко...

4

Тема под кодовым названием «Каналы» возникла, как и все остальные, почти случайно: Самохин заканчивал работу по народным лекарям, когда к нему попала рекламная визитка целителя Наседкина, который пользовал всех своих пациентов камнями, прикладывая их к больным местам, будь то позвоночная грыжа, хронический тонзиллит, мочекаменная болезнь или злокачественная опухоль. Да не простыми булыжниками, а по информации из той же визитки, метеоритами, прилетевшими на Землю с разных планет, поэтому называл себя космическим целителем. Разумеется, и этот лекарь был академиком самодеятельной Народной Академии, лауреатом неких премий и обладателем десятка международных сертификатов на право исцелять.

Как обычно, Самохин сделал запрос по трем каналам, как всегда получил противоречивую и взаимоисключающую информацию и для очистки совести позвонил Наседкину, записался на прием и скоро отправился в командировку, благо, жил тот в Коломне Московской области. Одна болячка у Сергея Николаевича была, давняя и профессиональная – язва желудка, просыпающаяся время от времени, обычно в минуты сильного волнения, поэтому не нужно было придумывать причины и обеспечивать легенду.

Принимал космический целитель в однокомнатной малосемейке на первом этаже, и несмотря на полное отсутствие рекламы в газетах, у расхристанной двери с отчеканенной по меди табличкой стояла очередь, а у подъезда – машины с номерами отдаленных регионов. Пока Самохин занимался всевозможными лекарями, шаманами, ясновидящими и магами, у него сложилось впечатление, что народ давно плюнул на официальную, малополезную и теперь дорогую медицину, в поисках чуда мотался от одного шарлатана к другому и лечился всевозможными экзотическими способами, от примитивной уринотерапии до неких энергополей, источаемых руками или даже взглядом.

А задача была – незаметно, без привлечения внимания самих целителей, отыскать, изучить и проанализировать способы и методы лечения, которые действительно могут приносить пользу здоровью человека. Прорваться сквозь словесные тенета безумных и умопомрачительных теорий, надувательство, мошенничество и просто полную дурь; в общем, пройти через эпидемию «чумы кашпировской», чтобы вычленив из всего этого мусора некие рациональные зерна идей, которые можно потом развивать и использовать в разных направлениях познания – от медицины до новых концептуальных представлений о мире.

Для этих целей и существовал «Бурводстрой» заштатного полковника ФСБ Леди Ди...

Из доброй сотни пройденных лично и через своих помощников лекарей Сергей Николаевич отыскал лишь единственного, кто в самом деле помогал избавиться от болезни – костоправа с хорошей фамилией Тятин. Не мудрствуя лукаво, без всяких магических снадобий, заклинаний и энергий, старик умело вправлял и фиксировал хронические вывихи, собирал и сращивал переломы трубчатых костей конечностей, позвонков, костей таза и говорил, что все это – всего-навсего ловкость рук, слесарное ремесло. Кроме всего, он изобрел и изготовил десятки новых инструментов и приспособлений для своей медицинской практики, о которых не имела представления мировая наука, поскольку он нигде свои изобретения не афишировал, не зазывал пациентов, а тихо и скромно жил в умирающей деревне Тверской области. Все это было хорошо, годилось и могло быть использовано в будущем, однако от Самохина, как и от всех сотрудников «Бурводстроя», ждали другого – неких принципиально новых технологических и мировоззренческих идей, способных вывести цивилизацию на иную ступень развития.

В общем, пойдя туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

Год поисков в области стихийного народного целительства притомил Сергея Николаевича, тема вызывала отвращение, и поэтому он стоял в очереди на прием к Наседкину без

всякой надежды. А на лестничной площадке и самой лестнице томились в ожидании одиннадцать человек разного возраста и, судя по одежде, разного достатка: от деревенских жителей до московских ухоженных девиц, среди которых одна бросалась в глаза – на вид не больная, студенческого возраста. У этой красавицы вообще не должно было ничего болеть, кроме, может быть, разбитого очередной неудачной любовью сердца – в огромных ярко-синих глазах стояла скорбь оставленной невесты, но в визитке не значилось, что Наседкин лечит от подобных мук. Самоуглубленная, она не замечала взглядов Самохина, поэтому он приблизился к ней и, склонившись к уху, прошептал пророческим тоном:

– Тебе сегодня повезет. И вся жизнь изменится к лучшему.

Девушка чуть отстранилась, взглянула на него с презрением и поднялась на ступеньку выше. В это время дверь лечебницы отворилась: Наседкин запускал не в порядке очереди, а выборочно, молча и с каким-то роковым значением указывая пальцем на пациентов. Он наставил свой перст на эту девушку, затем на болезненного вида мужчину, выдержал длинную паузу, выбирая жертву, и вдруг указал на Самохина.

Уже почти исцеленные счастливики переступили заветный порог.

Космический лекарь оказался человеком лет под восемьдесят, невысоким, утлым, со старчески розовым лицом, но подвижным, причем ходил скособочившись, словно поясницу прихватило, и отличался неумной говорливостью. Вся тесная малосемейка была завалена камнями, некоторые из них действительно по внешнему облику напоминали метеориты. Отдельно на деревянном щите прикреплено до полусотни разрезанных пластмассовых бутылок, наполненных галечником поменьше и, видимо, самыми ценными. Под каждой была аккуратная табличка, указывающая, с какой планеты принесло весь этот щебень. Под одним таким стаканом значилась даже неведомая звезда Инера.

Обилие метеоритов и названий незнакомых звезд и планет сразу же вызывало, мягко сказать, подозрение в надувательстве.

Наседкин, должно быть, мгновенно ставил диагноз, поскольку рассаживал на скрипучий деревянный диван и давал каждому в руки по камню, поднятому с полу или вынутому из бутылок.

– Лечение началось, – предупредил он и, удалившись на кухню, стал что-то есть из кастрюли.

Самохину достался черный тяжелый гольш в кулак величиной, даже отдаленно не похожий на метеорит, поэтому он сидел и внимательно рассматривал другие камни, грудой лежавшие на «докторском» столе и отшлифованные его руками. Страждущие помалкивали в ожидании чуда и тоже стреляли глазами по сторонам. Девушка, которой должно было сегодня крупно повезти, несколько оживилась, и Самохин поймал ее подобранный взгляд.

– Видишь, уже повезло, – шепнул он, благо, посадили ее почти рядом.

Космический целитель вернулся веселым и благодушным, надел белый халат и, выбрав из тройки именно эту девушку, велел снять майку и поставил лицом к стене.

Она обернулась, без смущения показывая нежную девичью грудь:

– У меня нефролитиаз...

– Вижу, – не глядя обронил Наседкин, перекладывая булжники на столе. – Штанишки приспусти.

Она смело стащила джинсы до колен и встала, ничуть не стесняясь, перед двумя, точнее, тремя, если считать целителя, мужчинами, и потому Самохин вдруг подумал, что девица эта скорее всего подставная – сейчас будет производить впечатление на настоящих пациентов.

Эротическая составляющая будущего здоровья.

Все до боли знакомо...

Сергей Николаевич отвернулся к щиту и выбрал взглядом две бутылки с крупной галькой: в одной были осколки с Урана, во второй с Венеры – что-то надо было унести с собой для

экспертизы и отчета. Подмывало взять с пола ноздреватый и будто бы оплавленный камень, но, во-первых, заметно, во-вторых, из-за размеров не спрятать под пиджаком, а в карман не влезет.

Целитель выбрал два темных округлых камня и обернулся.

– Ну ты уж совсем! – возмутился он весело. – Что ты мне попу-то выставила? Я ведь еще молодой!.. Поддерни штанишки!

Она поддернула, а Наседкин приставил камни к области почек, отчего девушка вдруг задрожала, задышала прерывисто, с легким стоном.

– Что? – спросил целитель.

– Горячо!

– Ничего, потерпи!

Девушка подрагивала, трепетала обнаженная грудь, живот и округлые, притягательные ягодицы, а забытые джинсы вновь начали сползать к коленям. Бывший третьим в группе мужчина напрягся и чуть не выронил свой булыжник. На лице его мгновенно выступил пот.

– Сексуальная девица, правда? – тихо спросил Самохин.

Тот вжался в спинку дивана, зашептал:

– Сущности!.. Смотрите, из нее выходят какие-то сущности!

– Вижу, – серьезно шепнул ему Сергей Николаевич. – И сущности эти несут отрицательную энергию. Вон одна, черная, полетела...

Страждущий юмора не понимал – верный признак психического расстройства...

Через минуту Наседкин отнял камни от поясницы девушки и бросил их на стол.

– Все, иди писай.

Девушка облегченно расслабилась, вялыми руками подтянула брюки.

– Как?..

– Как обычно... И слушай, когда брякнет по унитазу. Достанешь камешек и принесешь мне. Иди.

Она послушно удалилась в туалет, на ходу натягивая майку, а космический целитель утер пот и взглянул на Самохина:

– Ну что сидишь? Снимай рубаху.

– У меня язва желудка, – сказал Сергей Николаевич, – застарелая...

– Как болит?

– Жжет... Будто расплавленное олово.

– Олово? – удивился он. – Почему олово?

– Сон такой снится... Во время нашествия кочевников казнили одного князя...

– А-а, это твои заморочки... Ложись на кушетку! Сейчас мы этим кочевникам самим зальем пасти...

Это было как раз то, что нужно: прямо над кушеткой висел щит с «метеоритами». Сергей Николаевич разделся, лег и, пока Наседкин о чем-то шептался с женщиной, дотянулся, вынул осколки планет из бутылок и спрятал в карман брюк. Целитель ободряюще похлопал собеседника по плечу, затем взял с пола увесистый булыжник и как бы между прочим положил на желудок Самохина.

– Напряги живот! – приказал он и снова вернулся к мужчине.

В это время появилась девушка с салфеткой на ладони.

– Вот! – сказала она. – Камень вышел!

Пользуясь случаем, Самохин снова запустил руку в коллекцию «метеоритов» Наседкина и вынул еще один, по виду железный и поржавевший, из стакана, где значилась звезда Инера.

– Вы не забыли обо мне? – спросил, чтоб отвлечь. – А то тяжело...

Целитель так же мимоходом снял с живота камень, задвинул ногой под кушетку.

– Одевайся. Про острое, соленое, горькое забудь, понял?

– Понял, – отозвался Сергей Николаевич. – А спиртное?

– У тебя что, свадьба?

– Нет...

Ответ был неожиданным:

– Тогда зачем пить?

– Для куража.

– Настоящий кураж начинается не от водки, – объяснил целитель. – А когда появляется перед взором очаровательная незнакомка. Вот как эта! Обрати-ка внимание!

– Уже обратил.

– Тогда дней через пять покажешься.

– Сколько должен?

– Вон туда, – указал пальцем на копилку, тоже сделанную из пластмассовой бутылки. – Сколько не жалко.

Самохин опустил пятисотрублевую бумажку, поскольку внутри лежали аналогичные, поблагодарил и уже через минуту сидел в своей машине.

Подобных исцелений за последнее время он перенес уже десятка три, поэтому относился ко всяким чудачествам без каких-либо эмоций. Главное, «метеориты» оттягивали карманы, и еще сегодня можно успеть сдать их на экспертизу.

Он уже тронул машину, когда увидел подставную девицу, машущую рукой.

– Простите, вы в Москву?

Сергей Николаевич пожал плечами и открыл дверцу: это было неожиданно – возле лечебницы все еще колготилась очередь, работы хоть отбавляй. Может, у нее смена закончилась? Может, у Наседкина таких подставных проходит десяток?..

Девушка опустилась на сиденье, облегченно вздохнула и сказала по-свойски, раspiраемая, как показалось, нарочитой радостью:

– Как здорово, правда! Три минуты – и никакой боли! Я свободна!

– А я что говорил? – поддержал Самохин. – Феноменально! Меня зовут Сергей, а тебя?

– Саша. – Она на мгновение насторожилась, но тут же и засмеялась. – Даже ничего не почувствовала! Только камни горячие-горячие!

– Я видел, тебя слегка потряхивало...

– Знаешь, последние два месяца пролежала в клинике, – доверительно сообщила она. – Камень пытались растворить, потом дробили ультразвуком – не получилось. Уже готовили к операции! Еще бы несколько дней и... Но какое чудо!

– Да, здесь главное верить...

– Нет, вера здесь ни при чем, – счастливо засмеялась Саша. – Просто нам повезло, что есть на свете такой чудесник! Я столько мучилась, родители возили меня по всяким больницам, показывали знаменитым врачам!.. Если бы раньше знать, как все просто! Посмотри, такой камень никогда бы сам не вышел!

Привыкшие к своим болячкам, госпитальным койкам и откровенным разговорам об интимных недугах, давно страждущие больные обычно ничего уже не стеснялись, не комплексовали и быстро находили общий язык с незнакомыми людьми.

Саша достала из сумочки салфетку, развернула и показала X-образный, рогатый камешек.

– А он вышел! – заключила она торжественно. – Представляешь? За один сеанс!.. Кстати, как ты угадал, что мне сегодня повезет?

– Я провидец!

– Seriously, что ли?

– Правда, я еще не волшебник и только учусь...

– Спасибо тебе. – Она погладила его руку на руле, и движение это было искренним.

– Пока не за что!

Самохин понимал ее откровенность: теперь они были причастны к таинству, вместе испытав чудесное излечение от волшебных рук одного необычного и загадочного целителя. Это может связывать незнакомых, случайных людей, ибо совершилось приобщение к некоей истине, которая делает обычные условности и предрассудки пустыми и никчемными.

– Неужели он в самом деле лечит метеоритами? – будто бы размышляя, спросил Самохин. – Как ты думаешь?

Она смутилась.

– Не знаю... Но разве это важно? Главное, есть результат!.. А тебе не помогло?

Представить ее в качестве подставной у целителя сейчас было невозможно. В ее синих глазах плескался безмятежный восторг, обладавший притягательной силой: хотелось смотреть на нее, любоваться, как она говорит, смеется или невинно шепчет о своих недавних страданиях. К тому же взгляд невольно тянулся к груди под легкой майкой, и перед глазами возникало воспоминание, как она стояла у стены обнаженная, трепещущая и уже тогда волновавшая.

– Нет, погоди! – раззадорилась Саша от его пессимизма. – Ты когда-нибудь испытывал такое?.. Ну, что поражает воображение?

– Испытывал, – серьезно обронил Самохин.

– И что это было?

– Казнь.

– Казнь?! Ты что, видел, как казнят человека?

– В кино, еще в детстве. Одному русскому князю кочевники лили в рот расплавленное олово.

– Кошмар... Ну и что?

– Поразило воображение...

– И как это проявляется?

– До сих пор вижу во сне.

– А что-нибудь положительное? Например, красота природы? Или какое-нибудь чудо? Откровение!

– Нет, положительное не поражало. Не видел еще чудес.

– А жаль! – легко вздохнула она и мгновенно сменила тему: – Знаешь, давай где-нибудь остановимся и побегаем по лугу? Я так мечтала, а мне было нельзя, начинались жуткие боли...

Самохин свернул с трассы, отыскал подходящее безлюдное место возле речки и остановился. Саша выскочила из машины, на бегу сбрасывая мягкую, на плоской подошве обувь, и помчалась с вздытыми руками. Он не стал мешать этому выплеску радости, стоял, смотрел на хаотичное движение ее бежевой маечки в густой траве и все сильнее ощущал прилив юношеского, горячего беспокойства. Самохин убеждал себя в мысли, что встречи и должны быть такими неожиданными и случайными и точно так же должны возникать чувства – в одночасье, как солнечный удар: все остальное от ума или физиологии...

Побежать бы так же, отдаться легкости и безрассудству, но что-то мешает раскрепоститься: то ли неизлеченная язва, то ли коварный для поэтов возраст – тридцать семь...

Скоро майка оказалась у Саши в руке, и девушка носилась по лугу, размахивая ею, как флагом. Спрессованная за годы болезни, не востребованная энергия сейчас вырвалась, как пламя, долго тлеющее в глубине, и, насытившись кислородом освобождения, плескалась на ветру вместе с длинными светлыми волосами.

Если Наседкин был шарлатаном, то гениальным...

Белое пятнышко полуобнаженного тела на миг замерло возле речки и вдруг исчезло. Подождав немного, Самохин пошел на берег, прибавляя шаг – не вздумала бы искупаться: этот подмосковный водоем скорее напоминал канализацию, и ветерок доносил соответствующий запах...

Саша просто лежала в траве, подстелив майку и раскинув руки. При его появлении, она закрыла ладонями грудь, глянула настороженно, однако когда он сел к ней спиной, вновь расслабилась и засмеялась.

– Это я от солнца! Говорят, нельзя, чтобы ультрафиолет попадал на соски...

Он молча унимал сердцебиение и горячий ток крови.

– Как здорово, что ты пришел!

– Боялся, что ты залезешь в воду, – с хрипотцой в голосе объяснил он и откашлялся.

– А так хотелось!.. Почему ты не побежал со мной? Ты не чувствуешь облегчения?

– Да у меня ничего и не болело. В тот момент.

– Зачем же ты ездил к космическому целителю?

– Не знаю... Наверное, чтобы встретить тебя.

Она на минуту затихла, и Самохин ощутил ее печаль.

– У меня никого нет... И не было. Все из-за этой болезни. Но я так много раз тайно влюблялась!.. В основном это были врачи, мужчины старше меня. В академии – в преподавателей, уже по привычке... А сейчас так боюсь! Выработался комплекс. – В следующее мгновение она рассмеялась, обняла его за плечи и прижалась к спине. – Будем уничтожать детские страхи!

Самохин опасался вспугнуть ее, поэтому сидел в прежней безучастной позе.

– У тебя нет никаких причин комплексовать. Ты такая красивая, изящная и... манящая. Когда я увидел тебя еще в очереди, то стоял и ловил твой взгляд. А ты даже внимания не обратила...

– А я тогда еще ничего не видела. – Саша отпрянула и надела майку. – Мне уже прискучило здесь! Поедем дальше. Сегодня день исполнения заветных желаний! Вперед, мой покровитель!

И полетела к машине.

Там, натягивая свои невзрачные башмачки, внезапно встрепенулась и забросила их в траву.

– Хочу туфли! На высоченном каблучке! В которых никогда не ходила!

В городке Бронницы они разыскали магазин обуви и купили длинноносые, модные туфли. Саша вытерла платочком босые ноги, благоговейно погрузила в туфли узкие ступни и встала.

– Ну и как?

Он подхватил ее под руку.

– Принцесса!.. Но будем учиться ходить.

К машине она шла, как на протезах, обвисала на его руке и смеялась, как пьяная.

Потом всю дорогу Самохин слушал ее щебет, и лишь когда въехали в Москву, Саша несколько пригасла, видимо, наконец-то иссякали эмоции.

– Вот, – заключила она с печальной радостью. – Кончились мои муки.

– Все равно завтра же сходи на УЗИ, – посоветовал Сергей Николаевич, протягивая визитку. – А потом обязательно позвони.

– Зачем? – Саша опять напряглась.

Он попытался развеять ее настороженность:

– Просто для проверки.

– Я тебе еще не надоела со своими капризами?

– Нет еще пока.

– А зачем на УЗИ, если камень вышел?

– Это очень важно для личной уверенности. Если помогло тебе, возможно, поможет и мне.

– Кстати, у тебя что болит?

– Желудок. Хроническая, а значит, самая подлая язва.

– Сейчас у тебя все пройдет! – внушающим тоном проговорила она. – И никогда-никогда не будет тревожить.

– Твои слова б да богу в уши...

– А вот посмотришь! Этот человек творит чудеса! И такой маленький, невзрачный... Но он поразил мое воображение!

– Эх, не повезло мне! – вздохнул Самохин.

– Почему?

– Он поразил твои воображения, а не я!

– А ты мне предсказал изменение жизни!

Самохин высадил ее возле дома, а сам поехал на работу, где написал сопроводительную и сдал уворованные «метеориты» на экспертизу. Теперь следовало дожидаться результата, идти к Леди Ди и закрывать тему.

Но через двое суток, когда он получил и прочитал заключение эксперта, от возбуждения у него зазвенело в ушах. Все три представленных образца и в самом деле оказались метеоритами, причем ржавый железный со «звезды Инера» содержал вещество, в чистом виде не существующее на Земле.

Пока он размышлял и прикидывал план дальнейших действий, позвонила Саша и знакомым восторженным тоном объявила, что проклятого камня в почке больше нет, а врачи теперь гадают, отчего это произошло.

– А ты этот камешек не выбросила? – спросил Са-мохин.

– Нет, берегу!

– Дай на время? Потом верну.

– Хорошо... Но зачем?

Пришлось на ходу придумывать вескую причину – иному объяснению она бы не поверила.

– Покажу одному приятелю и отправлю лечиться.

Не откладывая, он съездил к Саше домой, забрал камешек и тут же сдал его на экспертизу.

К вечеру он составил план по разработке космического целителя и ночью же начал его реализацию. Прежде всего следовало установить, все ли чудодейственные камни Наседкина метеориты, поэтому он получил разрешение у Леди Ди, вызвал помощника – штатного сотрудника ФСБ и этой же ночью поехал в Коломну.

В четвертом часу утра они без особого труда вскрыли дверь лечебницы, завесили единственное окно черным полотнищем, включили свет, и пока помощник откалывал и отколу-пывал частички от «метеоритов», Самохин тщательно обыскал квартиру и снял цифровой камерой все без разбора – камни, журналы учета пациентов, международные дипломы и сертификаты, какие-то записи в тетрадях и даже карту мира с многочисленными пометками. Осторожно перекладывая пыльные вещи, а в лечебнице была полная антисанитария и беспорядок, он наткнулся на аккуратную стопку фланелевых простыней, раскрашенных с одной стороны цветными фломастерами. Скорее всего, это были схемы звездного неба, самодельные карты и планы местности и еще какие-то рисунки, графики, синусоиды, снабженные длинными пояснительными текстами. Разбираться было некогда, поэтому он развернул эти пеленки и каждую сфотографировал, чтобы потом неторопливо изучить в тишине кабинета.

На обратном пути он завернул на то место у речки, где резвилась исцеленная Саша. Несколько минут взирал на дымчатый утренний луг, стараясь вызвать прежнее чувство волнения, но отчего-то лишь знобко ежился – то ли от холодного тумана, то ли от усталости, бессонной ночи и предвкушения некоего открытия, связанного с целителем.

Вернувшись с ночной операции, Самохин вздремнул на диванчике своей рабочей комнаты, после чего сдал образцы «метеоритов» на экспресс-анализ и сел за компьютер, смотреть,

что же наснимал. Уже при беглом знакомстве с материалами он понял, что все обстоятельства, связанные с космическим целителем, распадаются сразу на несколько тем, по которым придется работать не только ему. Медицинская выделялась сама по себе, как первоначальная, затем шла космическая теория, красочно изложенная на простынях, отдельная версия о падении Тунгусского метеорита и собственно земная – о строении Земли.

Сергей Николаевич обладал довольно скромными знаниями в астрономии и космофизике, поэтому не мог по достоинству оценить гипотезы Наседкина о происхождении Солнечной системы, гибели некоторых планет с высокоразвитыми цивилизациями и будущей судьбе Земли, расписанной на триста лет вперед. Возможно, все это было гениально или полный бред, граничащий с гениальностью – по представлению Леди Ди будут разбираться специалисты. Поэтому Самохин сразу же разделил материал по темам, разложил их в отдельные папки для доклада руководству и занялся изучением простыни, на которой в лубочных картинках с аппликациями, в схемах и пояснениях излагалась «Великая энергетическая система земного шара», а проще, система «энергоканалов» внутри Земли и «энерголучей», которые были их продолжением, уходящим в космическое пространство.

Пожалуй, это была самая горячая и показавшаяся уже знакомой тема. Что-то подобное Самохин видел, только не на простыне, а будто бы на компьютерном экране: за три года работы в «Бурводстрое» через него прошли сотни всевозможных секретных материалов, касаемых физики Земли, как отечественных, так и полученных разведкой из закрытых лабораторий Европы и США.

Десять каналов на поверхности земли Наседкин называл аномальными зонами и соединял их сложными, многоуровневыми синусоидами, с амплитудой по широтам в тридцать градусов на север и юг от экватора и углом в семьдесят два градуса, утверждая, что все они – блуждающие, зависимые от магнитного поля планеты. И был только один постоянный канал, который пронизывал земной шар насквозь и имел два выхода – на Северном и Южном магнитных полюсах.

Итого, двенадцать...

Эти цифры и тем более тот факт, что один выход в точности совпадал с Бермудским треугольником, другой с точкой на Тибете, где существовали мифические «врата в будущее», и третий – с ничем не приметным местом на юге Западной Сибири, убедили Самохина в мысли, что все это он уже где-то читал, причем не так давно. И даже помнит некоторые подробности, например, что все эти каналы, кроме одного, обычно закрыты и включаются с периодичностью в триста три года. Вроде бы в 2019 году закроется ныне действующий Бермудский и, наоборот, откроется Полярный энергетический канал, выходящий на Северном полюсе.

И эта смена вызовет опускание и поднятие материков, вследствие чего произойдет смещение земной орбиты, заметное изменение климата, а далее последует цепь геологических катастроф, связанных с шахтами, пустотами, образовавшимися в земной коре из-за откачки нефти и газа, и наконец, произойдет разбалансировка недр...

Сергей Николаевич выключил компьютер, чтобы полностью отвлечься от материала, сел в кресло и, откинув голову, расслабился, на несколько секунд подавив всякие желания, мысли и слыша только свое медленное дыхание. Обычно это помогало очистить забитое текучкой сознание, после чего легче было восстановить события многомесячной давности.

Однако бессонная ночь отозвалась мгновенно – уснул сразу и крепко, как в детстве.

А проснулся от того, что ощутил рядом присутствие другого человека, и медленно открыл глаза: перед ним, как привидение, стоял режимник Баринов – самая таинственная личность в «Бурводстрое», появляющаяся всегда неожиданно и из ниоткуда.

– Глубоко задумались, Сергей Николаевич? – с каким-то гнилым, мерзким сарказмом спросил он.

Обязательно доложит Леди Ди, что Самохин спит на работе...

– Да, очень глубоко. – Не хотелось объяснять, что всю ночь провел на операции в Коломне и ему положен отгул.

– Ваши экспресс-анализы. – Баринов положил на стол пластиковую папку и пакетик с камешком, одолженным у Саши. – Распишитесь.

Самохин расписался и взглянул на часы – проспал три с половиной часа! И вспомнив, с чем засыпал, непроизвольно уперся взглядом в режимника: этот без возраста, без эмоций, с каким-то полупрозрачным лицом-маской человек помнил все секретные материалы, когда-либо входившие в группу по чьему-нибудь запросу или существовавшие в закрытой базе данных. Правда, он мог не знать содержания, но преамбулу, в которой упоминаются каналы, наверняка должен запомнить.

– Герман Степанович, – вкрадчиво заговорил Самохин, – у вас же уникальная память! В течение этого года или в прошлом я читал один документ... Может, чей-то отчет, прогноз... Там говорится о каналах.

– Марсианских?

– Нет, земных энергетических каналах.

– Назовите конкретно документ. Чей отчет?

– Не помню. Но что-то связано с Бермудским треугольником.

Баринов считал, что весь «Бурводстрой», кроме него одного, занимается дурью, всякой чертовщиной, бесполезным, бессмысленным и потому безумным делом, отчего многие уже давно потеряли рассудок.

Если бы не Леди Ди, которую режимник ценил и которой служил преданно, он давно бы говорил об этом вслух, но вынужден был только намекать.

– Что-то вы плохо выглядите, товарищ Самохин. У вас голова не болит?

– Нет, не болит.

– А у меня болит. От ваших странных вопросов.

Водянистые глаза и чуткие уши, живущие у режимника сами по себе, не поверили, однако приземистое, квадратное и при этом невесомое тело покинуло комнату, почти не касаясь пола.

Сергей Николаевич раскрыл папку с экспресс-анализами и стал листать страницы, выхватывая только заключения: все представленные образцы из лечебницы Наседкина оказались метеоритами – более сложную экспертизу с расшифровкой химического состава обещали сделать через четыре дня...

На отдельном листке было заключение по почечному камешку, где подтверждалось, что это твердое щавелевокислое образование, вызывающее мочекаменную болезнь.

После изучения простыни с энергетическими каналами Самохин уже не сомневался, что будут какие-то другие результаты, но прежде чем докладывать Леди Ди, следовало задать цели-телю несколько вопросов, и он решил завтра же съездить в Коломну. Пять дней еще не прошло, но можно изобразить резкое улучшение самочувствия, привезти какой-нибудь подарок, попросить еще один сеанс и просто наговорить много благодарных слов, к которым он наверняка привык.

Утром, едва Самохин выгнал машину со стоянки, позвонила Саша и вдруг заявила, что ей необходимо встретиться сейчас же по очень важному делу. И только Самохин заикнулся о Коломне, как она почти закричала:

– Возьми меня с собой!

Ему очень хотелось встретиться, а помешать разговору с целителем она никак не могла, поэтому Сергей Николаевич с радостью помчался к ней на Шаболовку.

– Ты соскучилась? – спросил он, помогая девушке сесть в машину.

– Совсем нет! – провозгласила Саша со знакомой целеустремленностью. – У меня есть очень важное дело!

– К кому?

– К тебе, мой покровитель.

– Выкладывай.

– Мне нужно посоветоваться, – уже серьезно сказала она. – Ты старше, опытнее и мудрее. Я хочу бросить академию или перевестись на заочное и идти работать.

Саша заканчивала четвертый курс юридической академии, причем училась на платном, родители были состоятельными людьми, жили в Смоленске и снимали ей хорошую квартиру – тряслись над единственной и к тому же больной дочкой.

Вероятно, выздоровление пробудило в ней взрыв свободы, активности и желание быть самостоятельной.

– Что говорят папа с мамой? – спросил он.

– Они ничего не знают. И ничего пока не узнают. Папа у меня грозный, не поймет.

– погоди, ты хоть сказала, что теперь здорова?

– Сказала. Даже снимок УЗИ по факсу отослала. И про тебя сказала... А больше ничего они знать не должны.

– Почему?

– Как ты не понимаешь? Я устала от их опеки за эти годы. Папа с мамой у меня... они же конвоиры! Мне очень важно, что ты скажешь.

– Все зависит от того, куда ты пойдешь работать и ради чего.

– Хочу напроситься в ученицы к Наседкину!

– Ого!..

– Я поняла – это судьба! Болезнь, долгие мытарства по клиникам и это чудесное исцеление, все подсказывает мне путь. Мой тайный путь!.. Я должна лечить людей! Я должна научиться, перенять опыт, секреты, овладеть магией звезд и планет... Николай Васильевич уже старенький!

Переубеждать ее не имело смысла, юношеский максимализм, разогретый избавлением от тяжелого и унижающего женскую сущность недуга, стал бы противиться всякому разумному слову.

– Мне показалось, Наседкин не берет учеников, – попытался остудить ее Самохин. – И никому не открывает тайн.

– Почему ты так решил?

– Кто действительно владеет талантом целителя и сакральными знаниями, обычно не распространяет их.

– Такого не может быть! Это же естественно – передавать науку другим поколениям!.. Или ты что-то знаешь о нем?

В справке ФСБ, полученной Самохиным, значилось, что несмотря на общительность и доступность Наседкина, вести наблюдение за ним проблематично, ибо он никого не подпускает к тайнам своего целительства и, опасаясь конкуренции, не заводит учеников.

– Ничего особенного не знаю, но догадываюсь, что к нему не подступиться.

– Чтоб так говорить, надо иметь веские причины!

Ее тон и ставший холодным голос взбадривали, как утренний туман на лугу.

– Понимаешь, в чем дело... Чаще всего дар врачевания дается только одному конкретному человеку. И научить этому просто невозможно. И по наследству не передать... Истинных целителей, ясновидящих и предсказателей всего единицы! Они рождаются раз в сто лет, а то и реже.

– Откуда ты это знаешь?

– Ну, интересовался...

– Нет, ты говоришь как-то... профессионально. Кстати, чем ты занимаешься?

– Работаю в одном проектном бюро.

– Ты не похож на инженера. Это я говорю как без пяти минут юрист.

– А на кого я похож?

– На какого-нибудь сыщика.

– Просто я пытливый и любознательный человек.

– Возможно... Значит, ты не веришь, что меня возьмут в ученицы?

– Не верю. Да и не нужно тебе это.

Она несколько сникла, съежилась и на минуту отвернулась.

– Я ждала поддержки... Думала, ты одобришь. И поможешь мне... Нет, ты не сыщик. И не пытливый. Ты просто закоренелый прагматик! Никакой романтики!

Самохин погладил ее по голове:

– Ты же просила мудрого совета? А мудрость начинается тогда, когда заканчивается период романтизма. Я не хочу, чтобы ты разочаровалась.

– Ладно, вот приедем к Наседкину, и станет все ясно! – заключила Саша и молчала уже всю дорогу.

На лестничной площадке перед дверью лечебницы стояло человек пятнадцать – мужчины, женщины, подростки, а у молодой мамы на руках плакал грудной ребенок. Самохин спросил крайнего, прикидывая, сколько же времени придется отстоять в очереди, но тетка с костылем сказала, что целитель сегодня не принимает.

– Что же вы ждете? – непроизвольно изумился он.

Ответ был коротким, но прочувствованным и исполненным надежды:

– Чуда.

Тем временем Саша ловко протиснулась между страждущими и проскользнула за дверь, вызвав глуховатый и недолгий ропот, мол, не лезь без вызова, все равно прогонит.

Сашу он не прогнал, и мало того, через минуту она выглянула и поманила Самохина рукой. Наседкин сидел на диванчике без халата, в расстегнутой до живота рубашке, понурый, бледный, взгляд был тяжелым и заторможенным.

Сначала показалось, что он пьяный...

– Я же сказал, не принимаю, – вяло проговорил целитель.

– Мы по другому поводу, Николай Васильевич. – Саша присела рядом и взяла его опущенную руку. – Вы меня помните? Четыре дня назад я была у вас...

– Помню, помню, камень в почках... Но не принимаю.

– Теперь у меня все в порядке! – Она погладила безвольную руку. – Николай Васильевич!.. Возьмите меня в ученики! Я буду послушной и стану делать все, что нужно! Я хочу лечить людей, как вы!

– Не беру учеников, – сразу же ответил он. – Не ходите и не просите.

– Но почему, Николай Васильевич? Вам же нужно передать все свои знания!

– Умирать не собираюсь. Мне еще жить сорок два года. Зачем мне ученики?

– Я бы помогала вам! Возьмите хотя бы уборщицей, санитаркой. Вон как у вас грязно и пыльно. Вам же самому некогда, а я бы все вымыла, вычистила...

– Где ты грязь-то увидела?.. Здесь у меня порядок. Вот только люди плохие, грязные.

– Что случилось? – осторожно спросил Самохин.

Наседкин поднял мутный взор и узнал его, хотя видел, может быть, пять минут.

– Язву-то теперь чувствуешь, нет?

– Кажется, все прошло...

– И больше не заболит. Организм молодой, зарубцевалась... А встречаются тяжелые, по пять раз приходится лечить. Но больше подлые встречаются...

– Вас кто-нибудь обидел?

– Меня обидеть невозможно, – вздохнул целитель. – Разрушили равновесие звезд.

– Это как же?

– Украл несколько моих камней. От остальных отщипнули по кусочку и нарушили целостность. И я теперь не могу лечить. А люди приезжают и стоят за дверью... Должно быть равновесие планетных материалов, как в Солнечной системе. А его теперь нет... Хуже того, начнется дисбаланс.

– Я бы охраняла! – безнадежно воскликнула Саша и вдруг заплакала. – Я готова жить здесь...

– Мне никого не нужно! – с неожиданным гневом проговорил Наседкин. – И не просись! Все, идите отсюда!

Самохин внутренне собрался в комок: метеоритов в лечебнице оказалось более восьмисот, и целитель физически не смог бы проверить каждый, да еще заметить мизерную утрату частиц, тем более что помощник работал очень аккуратно.

– Как же поправить дело? – спросил Сергей Николаевич. – Чем помочь? Говорите, не стесняйтесь. Если нужны деньги...

– Что мне твоя помощь?.. Деньги?.. Да у меня их прорва.

– Выход-то должен быть.

– Выход... Я собирал камни Вселенной двадцать четыре года, – уже печально вымолвил Наседкин, глядя в пол. – Если бы кто знал, как это трудно – добиться гармонии звезд в замкнутом пространстве.

– Скажите, как, и я помогу вернуть гармонию. – Сергей Николаевич чувствовал себя мерзко, однако признаться в содеянном не имел права.

– Чем ты сможешь? Где ты найдешь камень с Инеры?

– Но вы же нашли! Укажите, где – поеду и привезу.

– Мы привезем! – оживилась Саша. – Мы найдем!

Целитель молча ушел на кухню, достал из шкафчика бутылку водки, налил в стакан и выпил. Только теперь Самохин понял, что и бледность, и неповоротливый взгляд – и в самом деле от тяжелого похмелья.

– Думаете, так легко? – спросил он, закусывая чем-то из кастрюли. – Найдем, привезем... Если бы я знал, где, сам бы поехал. Инера погибла больше двух миллионов лет назад. На землю упало всего несколько обломков...

– Но у вас еще два! – Сергей Николаевич показал на щит.

– А должно быть три! – дожевывая, Наседкин встал в дверном проеме. – По три частицы от каждой звезды.

– Научите, как искать! – Саша вдруг встала перед ним на колени и схватила безвольную руку. – Пожалуйста, Николай Васильевич! Я хочу лечить людей! И творить чудеса, как вы!

Он вроде бы подобрел, присел возле нее на корточки.

– Дурочка ты... Камешек вышел, так уж и чудо? И уже готова жизнь отдать? Молодая, красивая...

– Готова, Николай Васильевич! Только научите!

Целитель резко распрямылся и прошел мимо нее, чуть не толкнув на пол.

– Да нет никакого чуда, нет! Это не я лечу – метеориты! Посланцы с других звезд. Они приносят энергию Вселенной, которая может вылечить человека, но может и принести зло. Не нужно учиться лечить, нужно научиться собирать камни.

– Я научусь!

– Но они падают и уходят глубоко в землю или заносятся песком. Найти – полдела, надо еще выкопать...

– Буду копать! Я умею...

– Приходится копать очень глубоко!

– Ну и что? Я сильная!

– Ты глупая! И твердолюбая! – будто бы рассердился он, тем самым вселяя надежду. – Я же сказал, не возьму!

Она вдохновилась:

– А я останусь у вас! Не прогоните же? Останусь и буду учиться!

– Ты что, смерти моей хочешь? – Целитель вдруг заговорил зло и отрывисто. – Сначала обокрали, а теперь еще и убить хотят!

– Что вы говорите?! – испугалась она. – Вы меня не поняли! Я хочу учиться у вас!

– Как только научу кого-нибудь, так сразу умру! Это понятно?.. А я еще жить хочу, сколько мне отпущено. Мне вон еще придется равновесие восстанавливать.

Самохин поднял Сашу с колен – она плакала тихо и безутешно.

– Пойдем отсюда... Видишь, ему нельзя брать учеников, – уговаривал он ее, будто ребенка. – Ты же не хочешь, чтобы Николай Васильевич умер?

– Конечно, не хочу! – Она давилась слезами и делала слабые попытки вырваться.

– Уведи ты ее отсюда! – закричал целитель. – Терпеть не могу женских слез!

В машине Самохин посадил девушку на колени, прижал к себе и долго слушал, как она, съезжившаяся и несчастная, с поплывшими глазами, всхлипывает и горячо дышит ему в грудь. И кроме жалости к ней, Самохин ничего не испытывал, словно те легкие искры чувства, возникшие при первой встрече, вдруг погасли, залитые слезами.

Саша наконец затихла и даже, показалось, уснула, как наплакавшийся ребенок, однако рука ее шевельнулась, ожила, нащупала сумочку и достала платочек.

– Не смотри на меня, – сказала она уже отрезвленным голосом. – Мне нужно умыться.

Она перебралась на сиденье, отвернулась к окну и стала стирать пльвущую с ресниц краску. Самохин подъехал к ближайшей колонке, нажал рычаг, а Саша подставила руки, ожидая, когда потечет вода. В трубе обманчиво захлопало, зашуршало, и вдруг вырвавшаяся струя ударила с таким напором, что окатила обоих, – Саша запоздало отскочила, засмеялась:

– Ледяная!..

Потом она умыла лицо, напилась из ладоней и, распрямившись, снова стала высокой и стройной.

– Ты не думай, я сильная, – оправдываясь, проговорила она. – Просто мне стало обидно. Хотелось сделать первый самостоятельный шаг...

– У тебя еще не пропало желание лечить?

– Нет. – Она, как чуткий боксер, умела мгновенно становиться в настороженную защитную стойку. – Почему ты спросил?

– Если хочешь, познакомлю с целителем, который ищет себе ученика.

– А что он лечит?

– Он настоящий костоправ. И творит чудеса без всяких метеоритов и заумных теорий. Ставит на ноги людей, которые лежали в полной неподвижности по десять лет.

– Каким же образом?

– Только с помощью своих искусных рук.

– Ты говоришь со мной, как с ребенком! – внезапно обиделась Саша и открыла дверцу машины. – Не нужно утешать меня! Мне не нужна новая игрушка, если сломалась старая...

По дороге он несколько раз пытался заговорить с Сашей, отвлечь, но она отвечала без интереса и односложно и лишь у метро, когда надо было выходить, то ли смирилась, то ли сделала одолжение:

– Хорошо... Когда едем к твоему костоправу?

А он помолчал, прислушался к себе и еще раз отметил полнейшую пустоту там, где еще недавно, сегодняшним утром, существовало приятное и согревающее притяжение к ней, смешанное с ожиданием некой будущей радости и бездумного веселья.

– Наверное, мы часто влюбляемся в свои мысли, – вслух сказал Самохин.

- Что? – с вызовом спросила Саша.
- Завтра поедем, говорю...

5

Когда-то решительная и властная, Диана Васильевна, воспитанная в комитетских недрах, давно оказавшись за штатом и какое-то время вынужденная сидеть без дела, по скупым словам Хлопца, сильно сдала и неузнаваемо изменилась.

– Эх, если бы вы увидели эту женщину двадцать лет назад, – вздыхал он с чувством застаревшей и уже прошедшей влюбленности.

Выходило, что Принцесса в молодости была чуть ли не первой красавицей на Лубянке и, если верить фавориту, сам Андропов всякий раз останавливался и провожал ее взглядом, случайно встретив в коридорах. И будто потом как-то подавленно спрашивал:

– Кто это?

– Капитан Скрябинская, – говорили ему. – Из следственного управления.

– Да-да, – вспоминал что-то стареющий чекист и, скрывая растерянность, слабо возмущался: – Почему она не на рабочем месте? Почему ходит по коридорам? Пригласите ее ко мне.

Идейная и увлеченная своей работой, тогда она была непрístupна, недостижима, и ни одному, даже самому влиятельному начальнику не удалось завести с ней служебный роман, хотя, по намекам Хлопца, у некоторых такие мысли были. Прекрасного капитана брали с собой в командировки, в том числе и зарубежные, однако по возвращении резко теряли интерес, и, скорее всего, потому в молодости Скрябинская не сделала карьеры и получила полковника только в сорок пять, когда руководству менее бросались в глаза ее внешние данные и более – деловые качества. Она честно прожила с одним мужем, каким-то инженером, а по его смерти, выведенная за штат, внезапно превратилась в бабушку и воспитывала внука, пока о ней кто-то не вспомнил.

В зрелости Диана Васильевна претерпела перевоплощение в Леди Ди, стала еще более стройной, подтянутой – фигура у нее была как у настоящей Принцессы, томящейся в ожидании принца. И вместе с тем изменился ее нрав: она вдруг сделалась мягкой, даже беспомощной, и от этого всю жизнь скрываемая женственность, а вместе с нею и затаенная страсть вдруг вырвались наружу, тем самым подсвежив следы былой красоты. Особенно если смотреть издали, от порога кабинета или с торца длинного стола для совещаний, когда Принцесса сидит на своем престоле в глубине алтаря, умышленно включив только маленькую настольную лампочку над бумагами, оставляя лицо в полутени, – ближе она подпускала к себе лишь Хлопца да секретчика Барина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.